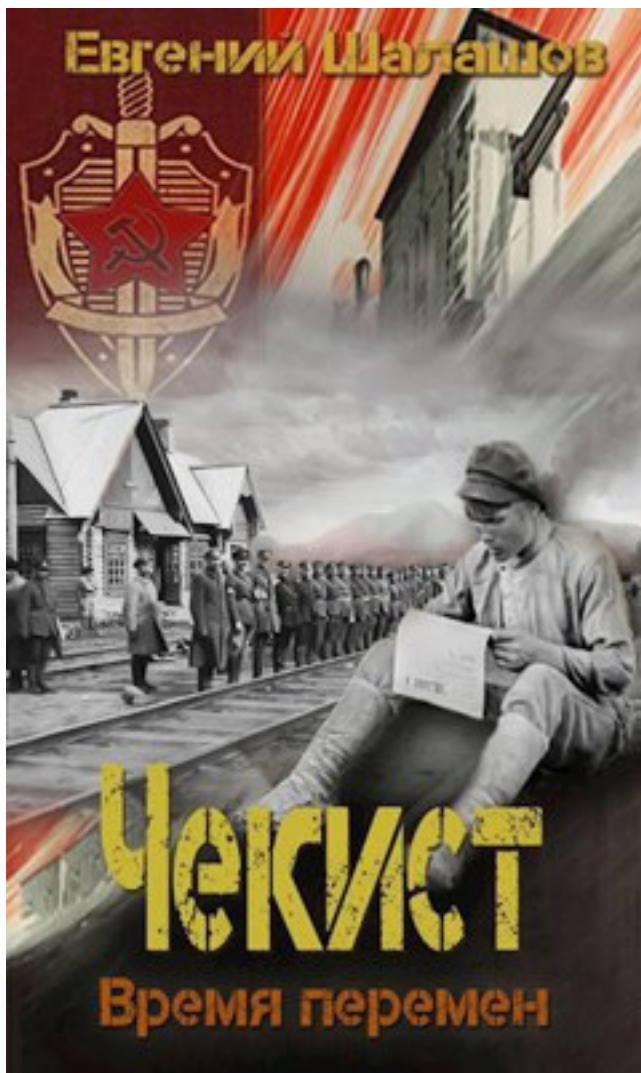

Евгений Шалашов

Чекист

Время перемен

Евгений Васильевич Шалашов

Чекист. Время перемен

Серия «Чекист», книга 9

*Текст предоставлен издательством
Чекист. Время перемен:*

Аннотация

Товарищ Аксенов рассчитывал, что пробудет в Советской России не больше недели. Отчитается перед Политбюро и вернется обратно. В Париже много дел. Укрепить резидентуру, вывести оставшиеся миллионы гр. Игнатьева, а потом с чистой совестью сдать дела преемнику.

Но ему приходится задержаться.

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Заседание парткома	9
Глава вторая. Заседание парткома – 2	21
Глава третья. Французские духи	36
Глава четвертая. Суп с фрикадельками	49
Глава пятая. В белом венчике из роз...	64
Глава шестая. Сухаревский рынок	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Евгений Шалашов

Чекист. Время перемен

Пролог

Как всегда, если приедешь в Москву, то начинаешь отчитываться. И первым, перед кем должен держать отчет, был Председатель Совета народных комиссаров, хотя, по правилам, следовало вначале доложить непосредственному начальнику. Но кто эти правила устанавливает? Тем более, что у меня теперь двойное, если не тройное подчинение. Удобно, между прочем. Если ты подчиняешься сразу и ВЧК, и НКВД, и Наркомату торговли, то не подчинен никому. Шу-чу. На самом-то деле подчинен всем, но в первую очередь Совнаркому и товарищу Ленину. Посему, оставив в приемной товарища Феликса довольно обширный рапорт о проделанной работе, поспешил в Кремль.

— Владимир Иванович, вас пг'игласили, чтобы вы выступили на заседании Политбюг'о, — неожиданно для меня сообщил Ленин. — Мне кажется, не стоит дважды рассказывать об одном и том же. Потому, о своих паг'рижских делах вы г'асскажете позже.

Про выступление на Политбюро я не знал, но какая разница? Если Ленин считает, что о миллионах графа Игнатье-

ва должно быть известно всему Политбюро, так тому и быть. Но о деньгах, полученных благодаря моему уголовнику и о бриллиантах Блюмкина им знать не стоит. Ленину я бы доверился полностью, а еще Сталину с Дзержинским. Зиновьеву у меня веры нет, Троцкому – тем более.

Владимир Ильич вытащил из жилетного кармана часы, щелкнул крышкой, посмотрел на циферблат:

– До заседания Политбюро еще десять минут. Сегодня на повестке дня у нас г’азные вопг’осы, в том числе – что делать с Галицией? Товарищ Чичег’ин говорил, что это ваша идея – признать временную оккупацию Галиции, определить срок вывода наших войск в пять лет. А за пять лет поляки и другие национальности, проживающие на территории области, созреют для создания народной республики. Нам нужен мир с Польшей, но все тог’мозит Львов. Польша не хочет ждать пять лет. Тг’оцкий предлагает вернуть Галицию полякам без всяких условий, Сталин категорически против. Мне бы хотелось услышать ваше мнение.

– Нужно срочно провести референдум по всей территории, – немедленно предложил я. – пусть население само решает, как ему жить дальше.

– Референдум? – не понял Ленин.

– Плебисцит, – подсказал я более привычную форму все-народного голосования. – Львов, прочие города и села на территории Галиции, должны сами решить, как им быть, с кем оставаться: войти ли в состав Польши, или в Советскую

Россию? Почему Галиция должна отойти именно к Польше? Из-за того, что она когда-то входила в состав Речи Посполитой? Ну и что? Она и у Габсбургов была, и в составе Российской империи целый год. А может, они хотят стать самостоятельным государством прямо сейчас? К чему нам ждать целых пять лет?

– Интересная мысль, – задумался Владимир Ильич. – Но плебисцит для нас – дело не очень привычное. Но можно провести в Галиции выборы Учредительного собрания. Это и быстрее, и более традиционный способ волеизъявления народа.

Решив блеснуть оригинальным мышлением перед товарищем Лениным, я усмехнулся:

– И совсем необязательно создавать народную республику. Пусть будет конституционная монархия. Почему бы нет? Советская Россия выступает за разнообразие форм собственности, так почему бы нам не выступить и за разнообразие форм государственного устройства – если это выбор народа? – и не поддержать стремление наших соседей стать монархией?

Владимир Ильич изумленно смотрел на меня, а меня, тем временем, несло:

– Может, есть смысл возродить княжество? Чем плохо звучит – Галицко-Волынское конституционное княжество? Глава государства – наследный князь, чья власть ограничена Конституцией и парламентом, лояльным к Советской Рос-

сии. А князя галичане выберут из поляков. Все-таки, основателем Галицко-Волынского княжества является князь Роман Мстиславович, а его мама была дочерью польского короля.

Как звали давно покойную дочь короля, да и имя самого короля я уже подзабыл. Но если понадобится, можно посмотреть в энциклопедии. И национальность-то помню из-за того, что мы на семинаре шутили – мол, ежели, национальность определять по матери, то наши князья – все сплошь греки да половцы, а Юрий Долгорукий, тот вообще англичанин. Правда, тогда получается, что некоторые норвежские, французские и венгерские короли, на самом-то деле русские.

Кажется, товарищ Ленин немного ошалел от услышанного, потому что не заметил, что в кабинет уже дважды заглядывала дама лет сорока, сменившая верного Горбунова на посту личного секретаря Председателя СНК. В третий раз секретарша не выдержала:

– Товарищи, члены Политбюро уже собрались. Лев Давидович начал ругаться.

– Лидия Александр'овна, посп'осите от моего имени извинения у товаг'ищей, явимся через пять минут, – махнул Ленин рукой, а потом, переведя взгляд на меня, спросил: – Владимир Иванович, прошу прощения за нескромный вопг'ос – вы уже узаконили свои отношения с Натальей Андреевной? Насколько я помню ответ на письмо той странной гражданочки из Череповца, то да.

– Увы, – развел я руками, слегка удивившись. – С Натальей Андреевной мы проживаем, так сказать, в фактическом браке. В Париже я обитаю по чужим документам, а в Москву ездим по очереди – то я здесь, а она там, или наоборот.

– Все это решается, – отмахнулся Ленин. – Вы можете зарегистрировать брак в Париже, потом переоформить его в нашем ЗАГСе. Вы не хотите взять фамилию супруги? Наверняка графы Комаровские имеют польские корни.

Пока Владимир Аксенов отдыхает, можно почитать книги:

<https://author.today/work/70524> – Первая книга о наемнике. А их четыре.

<https://author.today/work/73159> – Альтернатива без попаданца. Смутное время.

<https://author.today/work/64450> – Цитадели. Эту я уже рекомендовал, но кто не посмотрел тогда, можно глянуть сейчас.

<https://author.today/work/71438> – Главный герой – исторический персонаж, но очень большая сволочь. Эту книгу редко кто читает.

И все остальные на АТ тоже можно купить, а если не понравится, то поругать автора. Вам развлечение, а автору денежка.

Глава первая. Заседание парткома

Я думал, что заседание Политбюро пройдет в зале, непосредственно примыкавшем к кабинету Владимира Ильича. Так, вроде бы, писали во всех путеводителях по Кремлю, но Лидия Александровна повела нас вглубь квартиры, где, как оказалось, имелся лифт. Не знал. А я-то сюда пешком поднимался. Чувствовалось, что шахту прорубили недавно, а сама кабинка, хоть и приличная, но не новая. Скорее всего, лифт обустроили уже после ранения Владимира Ильича, чтобы ему было легче подниматься на третий этаж.

Кабинка шла медленно, тросы противно скрипели. Я уж решил, что мы направимся в Грановитую палату, но нет, лифт опустился на первый этаж, где оказался специальный человек в военной форме, открывший двери и попытавшийся подхватить товарища Ленина под локоток, на что Председатель СНК лишь раздраженно отмахнулся.

Выйдя из лифта, мы с Лениным пошли по коридору. Двигались чинно, как подобает главе государства, шествующему в сопровождении высокопоставленного сотрудника, зато секретарь понеслась вперед целеустремленно, как молодая лошадка, перешедшая с шага на рысь, и мы с Владимиром Ильичом невольно поддались ее темпу и ускорили шаг. Встречный народ, при виде спешившего вождя мирового пролетариата невольно шарахался по сторонам, вжима-

ясь в стены, а потом долго провожал нас испуганным взглядом. Правильно – бегущий по коридору начальник всегда не к добру. Бьюсь об заклад, к вечеру по Москве начнут гулять слухи либо о высадке белых на Красной площади, либо о скорой отмене пайков.

Пробежав по коридору почти галопом, уткнулись в двустворчатую дверь, за которой пряталась узкая, словно гроб, приемная с двумя столами. Один пустой, а за вторым, заваленным бумагами, сидел худосочный мужчина лет сорока в новенькой гимнастерке, но без пояса. Вид, скажем так, неряшливый. Не знаю, чем он здесь занимается, кто такой – не то еще один секретарь, не то дежурный при Политбюро. При виде Ленина, худосочный товарищ вскочил:

– Владимир Ильич, вас ждут.

Товарищ Ленин кивнул, и повернулся к женщине:

– Лидия Александр'овна, а когда выступление товаг'ища Аксенова?

Секретарь, взяв со стола бумажку и, поднеся к глазам, словно клюнув, отозвалась:

– Товарищ Аксенов выступает после доклада Сталина о ситуации в Галиции. Значит, – подняв очи вверх, прикинула женщина, – это будет часа через два, а то и через три, не раньше. И сколько еще товарищ Троцкий будет болтать.

Я быстро наострил уши – о чем это Троцкий будет болтать, но, увы, не узнал.

– Лидия Александр'овна, а где заявки в тог'гпредство, по-

ступившие из наркоматов? – поинтересовался Председатель совнаркома. – Я их оставлял здесь, для товаг’ища Аксенова.

Секретарь немедленно метнулась к заваленному бумагами столу и, четко выбрав из груды нужную папочку, вручила ее Ленину.

– Это вам, чтобы не скучали, – улыбнулся Владимир Ильич, передавая мне бумаги. – Г’ассмотрг’ите заявки, потом мы с вами обсудим некоторые детали. И я вас очень пг’ошу – не уходите после своего выступления, а подождите меня. У меня есть еще некоторые вопросы.

Ленин хотел еще что-то сказать, но Лидия Александровна уже открывала дверь, придерживав ее для Председателя Совнаркома, а через раскрывшуюся щель до меня донеслось:

– И эти твари уже съели половину запасов зерна... Подумайте, вместо семян – сплошное дерьмо. Надо хоть яда где-нибудь отыскать. А где его взять-то? В армейских складах нет, да и не было, вроде бы. В аптеках шаром покати, хоть нэп объявили.

– Аксенов отчитается, так ему и закажешь, – посоветовал голос, показавшийся знакомым. – Только подождать придется, пока он из Франции привезет. А с тварями с этими только ядом...

Это про каких тварей? Не иначе, про крыс. А что, крысинаго яда в России тоже нет? А крысы, это да, бедствие.

Глядя на закрывшуюся за Лениным и его секретарем дверь, я мысленно вздохнул, почувствовав собственную

неполноценность. Как же, обидели ребенка, не пустили на заседание Политбюро. А ведь интересно послушать, о чем станут разговаривать творцы истории. В марте, вроде бы, должен состояться десятый съезд партии большевиков. Наверняка на Политбюро речь пойдет о повестке дня. В той истории именно на Десятом съезде РКП (б) и объявили о переходе к нэпу, а здесь он начался раньше. Прошлогодний Декрет только заявил о замене продразвёрстки продналогом, предоставив крестьянам свободу распоряжаться оставшимися после сдачи продналога излишками. Предполагалось, что государство централизованно обменивает эти излишки на промышленные товары, востребованные на селе. Но пока не было заявлено ни о финансовой политике, ни о налоговой. Нужны конкретные законодательные акты, а конкретику мог дать только съезд.

Вспомнил советский спектакль «Заседание парткома» и успокоился. Там ведь тоже на заседание парткома какой-то стройки не всех пускали. А тут, как-никак, заседает главный партком Страны Советов – Политбюро.

Решив, что сетовать глупо, уселся за свободный стол и принялся изучать бумаги. Ну, а коли они снабжены соответствующими атрибутами – подписями и печатями, то документы.

Первая заявка исходила из народного комиссариата здравоохранения. Все честь по чести – угловой штамп, печать и подпись товарища Семашки. Нет, все-таки Семашко, пото-

му что фамилии, оканчивающиеся на «о», не склоняются. И что желает заполучить советское здравоохранение? Не так и много – сто тонн йода, вату в количестве двадцати тонн, аспирин – не менее тонны. Скромно. Кое-что я уже купил. Надо бы пометочки сделать, чтобы не запутаться.

– Товарищ, вы не могли бы одолжить мне свой карандаш? – улыбнулся я худосочному секретарю.

– Карандаш? – недоуменно переспросил тот. Похлопав глазами, переваривая просьбу, продемонстрировал мне свое собственное орудие труда и назидательно сказал: – А карандаш, товарищ Аксенов, нужно всегда иметь свой. Кремль вам не лавка, и не канцелярия. Карандаши, товарищ Аксенов, больших денег стоят.

Я задумчиво почесал затылок, вздохнул, и встав из-за стола, подошел к товарищу. Придержав худосочного за плечо, чтобы не дергался, вежливо попросил:

– Сидите-сидите, я сам возьму...

Вытаскивая из потного кулака карандаш, подумал, что совершил ошибку, не закупив во Франции хотя бы сотню карандашей, а ведь мог бы. Чего-чего, а этого добра в Париже хватает, и стоят они недорого – по десять сантимов за штуку. Про лезвия к безопасной бритве подумал, купив, в пределах разумного (чтобы таможни вопросов не задавали), и для Артура, и для ребят из ИНО, а с карандашами оплошал. Впрочем, в стране сплошного дефицита сложно угадать, что нужно везти, а что нет.

Сев на свое место, начал делать пометки – что я уже купил, и что необходимо еще докупать. Йода приобрел пятнадцать тонн, маловато, зато аспирин и прочих жаропонижающих препаратов взял тютельница-в-тютельница, как чувствовал. И сальварсан не зря закупал. Правда, его хотят целых две тонны, а у меня меньше. Видимо, совсем сифилис народ до ручки довел, если требуется в таком количестве «спасительный мышьяк». С другой стороны, Россия – страна большая, сифилитиков много. Что такое две тонны таблеток супротив массового заболевания?

А до секретаря, похоже, только сейчас дошло, что с ним проделали, и он начал медленно подниматься с места.

– Да я тебя... – начал он, но я прервал его начавшуюся филиппику благожелательной улыбкой:

– Товарищ, из-за какого-то несчастного карандаша вы собираетесь подраться с начальником отдела ВЧК, да еще во время заседания Политбюро? Я же вам спасибо сказал? Нет? Сейчас подойду и исправлюсь.

Кажется, улыбка сработала, и секретарь, осознав, что связываться не стоит, угрюмо уселся на свое место. Посмотрев на меня зверообразно, вытащил из ящика стола новый карандаш. Вот ведь жаба! Мы таких в сортире топили.

К машинописной заявке наркомата здравоохранения приколота записка. С трудом продравшись сквозь врачебный почерк, осознал, что мне предписано приобрести следующие лекарства: Радий для питья (раствор бромистого радия в

подкисленной воде). Пакет содержит три склянки – необходимо десять пакетов. Радий для ванн (также раствор бромистого радия) – пакет содержит одну склянку, сто пакетов. Радиевые компрессы (наполнены сильно активной радиевой грязью; выпущены трёх различных величин) – двадцать пакетов. И подпись – не то Готье, не то Гетье.

Так и захотелось вскрикнуть, как тот волк из мультика: «Шо, опять?». Имею ввиду, что опять на моем пути встречаются радий и радиоактивные лекарства. Слов нет. Радиоактивные лекарства как панацея от всех болезней. Одно лечим, а все остальное калечим. И кто такой умный? Подпись мне ни о чем не говорила, но вот то, что записка напоминала рецепт – не хватало только личной печати врача, навело на некоторые раздумья. А уж не личный ли врач товарища Ленина этот Гетье? И что, он лечит Владимира Ильича радиоактивными лекарствами? У меня вдруг закралось подозрение – а не является ли странная болезнь и последующая смерть Ленина результатом «лечения»? А ведь что самое скверное – я не смогу объяснить вред этих лекарств. Кто мне поверит, если в двадцатые годы двадцатого века опиумную настойку прописывают как средство от поноса, а в Париже не один раз видел объявления, что дипломированный врач излечивает импотенцию с помощью новейших методов электричества? И астматикам доктора прописывают специальные папиросы.

Нет, наверняка в Париже можно приобрести все эти сна-

добья, но стоит ли это делать? А ведь если я как-то отмажусь — дескать, не смог, не приобрел, нет в продаже, то найдутся доброхоты и без меня. Из самых наилучших побуждений найдут, из-под земли достанут и привезут Владимиру Ильичу радиоактивную отраву, и будет его этот Готье-Гетье пичкать, пока вождь мирового пролетариата не умрет. Хм... Думай, башка, шапку куплю. Ладно, что-нибудь да придумаю.

Следующая заявка со штампом Народного комиссариата просвещения. Странно, но она написана на имя товарища Кустова. А почему не на Аксенова? Ох ты, совсем крыша поехала. Все же правильно, начальником торговой миссии «Центросоюза» является сотрудник НКВД Кустов. Наркомпрос, в лице народного комиссара товарища Луначарского, категорически требует закупить для нужд просвещения, образования и науки не менее десяти тысяч пудов бумаги, и три тысячи пудов чернил. Ишь, требуют они... Но для образования и науки надо. И отчего это Луначарский дает заявки в пудах, если на метрические единицы перешли еще в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году? И пусть для населения сделали послабление, но сам-то нарком мог высчитать, а теперь мне самому мучиться. Десять тысяч пудов — сто шестьдесят тонн. Это что, целый корабль загружать бумагой? Ну ни хрена себе! Надо бы уточнить. Бумага ладно, куплю, сколько смогу. А вот чернила? Ну совсем ошалели в России. Неужели сажу не смешать с клеем, да не развести

водой? Качество скверное, но зато валюту не надо тратить. Нет уж, чернила из-за границы не повезу. Нэп на дворе, сами научатся делать. И, есть у меня подозрение, что бумага с чернилами станут очень выгодным делом. Вместе с нэпом станет расти родимая бюрократия, а это расходование бумаги с чернилами. Столько, сколько потребуется для отчетов, ни одному школьнику не известно.

Ага, а вот и заявка Наркомата по национальным делам, за подписью товарища Сталина. Интересно, чем я могу помочь в разрешении межнациональных отношений нашего многонационального государства? Закупить во Франции работы по этнографии и этносоциологии? На кой, товарищу Сталину иностранные авторы? Кстати, кроме Конта с Дюркгеймом никого и не вспомню. Конт, насколько помню, основоположник социологии. И его, и Дюркгейма, наверняка уже перевели на русский язык. И сомнительно, чтобы западная наука помогла нам в решении национальных проблем. Напако-стить она точно сможет, а уж решать, как правильно налаживать национальные отношения, мы сами будем. Вначале, разумеется, дров наломаем, но потом у нас все получится.

Нет, в заявке отчего-то идет речь о буровом оборудовании. Так – буровое долото – двадцать штук, вертлюги – двадцать, бурильные трубы, тросы... И приписка, сделанная от руки: «Американское и румынское оборудование не брать. Дерьмо!». Сурово. С румынским оборудованием ладно. Не слышал, чтобы Румыния делала качественные машины. А

американцы-то чем не угодили? Они же, вроде бы, считаются первопроходцами (или первопроходимцами?) по добыче нефти. Джон Рокфеллер и его Standard Oil, как помню, получил исключительное право торговли советской нефтью.

С Рокфеллерами вообще интересно. Если верить сторонникам «теории заговора», то вся экономика мира развивалась как следствие борьбы Рокфеллеров и Ротшильдов. Дескать, когда бакинская нефть попала под контроль Ротшильдов, а Россия стала крупнейшим после Соединенных Штатов поставщиком нефти в мире, то Рокфеллер, недовольный подобным положением, устроил в России революцию.

Ладно, тайную историю оставим телевидению и желтой прессе. А почему заявка не из наркомата торговли и промышленности? Что делать в наркомнаце с бурильными установками? Какая-токая нефть?

А тут до меня дошло. Война с Польшей еще не закончилась, и Сталин, в основном, пребывает в Галиции, где Сходницкое нефтяное месторождение. Я же недавно читал, что ляхи выражают протест американцам из-за того, что те собираются взять концессию на добычу нефти. Ай да товарищ Сталин. Он не мог передать заявку как член РВС фронта, в этом случае пришлось бы согласовывать с командующим, а как нарком по делам национальностей – вполне себе мог. Значит, будем добывать советскую нефть в Галиции? Может, без акул американского бизнеса обойдемся, а? Пожалуй, эту заявку требуется выполнить в первую очередь. Продоволь-

ственная и энергетическая безопасность страны должны стоять на первом месте. Думаю, пару миллионов франков следует пожертвовать на покупку оборудования. Да были бы деньги, так целую буровую вышку притащим. Подозреваю, что наследство графа Игнатьева позволяет купить не одну такую вышку.

Но есть одна беда. Видимо, товарищ Сталин считает меня сильно умным. Это он зря. Нет, я умный, тут я не спорю, но не везде. Знаю, что такое столярное долото, даже что-то когда-то долбил. Вроде, на уроке труда скворечник делал? А вот «буровое» долото представляю смутно. Видел в кино, что землю бурят не то сверлом, не то какой-то штуковиной, похожей на фрезу. А вертлюг? Видимо, что-то такое, что должно вертеться. Бурильные трубы... С этим, более-менее понятно. Труба, она и в Африке труба, но из чего? Ясен перец, что не из дерева. Сталь? Или чугун? Каков диаметр трубы? Не может быть, чтобы они были стандартными. Тросы. Ясно, что стальные. Куплю какие-нибудь тросы, окажется, что он годны лишь для буксировки кораблей, а не для бурения, что тогда? Нет, мне позарез нужен либо горный инженер, разбирающийся в оборудовании, либо мастер-нефтяник. Простой бурильщик с опытом работы тоже сойдет. Пусть Владимир Ильич озадачит наркомат торговли и промышленности, или, нехай студента дадут.

Товарищ Ленин оказался прав. Пока вникал в заявки, ломал голову, заскучать не успел. Из дверей выглянула Лидия

Александровна (да, вспомнил даже ее фамилию – Фотиева) и строго сказала:

– Товарищ Аксенов!

Я сделал шаг к двери и услышал шипение в спину:

– Карандаш верни.

В ответ я только сложил за спиной пальцы особым способом, демонстрируя интернациональный символ. Ишь, сволочь. Мало того, что в кабинете сидит, карандаш от чекиста пытается утаить, так еще и обратно его требует. Нет, не выйдет.

Глава вторая.

Заседание парткома – 2

Впору воскликнуть – знакомые все лица! И меня, похоже, все знают. Члены Политбюро при моем появлении дружно закивали, а товарищ Сталин, сидевший почти у дверей, даже встал, чтобы пожать мне руку. Приятно, елки-палки, если сам Иосиф Виссарионович пожимает руку.

А, нет, соврал – вот этого товарища, постарше меня лет на пять, не больше, в круглых очках и с усами, я не знаю, хотя он мне кого-то напоминает. Кажется, Вячеслава Михайловича Молотова в молодости? Непонятно лишь, откуда он взялся. Видимо, вместо выбывшего Бухарина. Но разве членов Политбюро просто кооптируют, а не избирают на съезде или хотя бы на пленуме РКП (б)? Съезда точно не было, а вот про пленум я мог и не знать.

Первый вопрос, как ни странно (а может, совсем не странно?) был задан не по существу дела.

– Товаг’ищ Аксенов, для начала, расскажите товаг’ищам – что говог’ят во Фг’анции о России? – предложил Ленин.

Признаюсь, я даже слегка растерялся. Можно подумать, что я ежедневно слушаю сплетни в кафе, или гуляю по бульварам с целью узнать умонастроение народных масс относительно моей исторической родины. Как объяснить товари-

щам, что на самом-то деле французов не очень интересуют события в России, если это не касается их собственного кошелька? Потому, начал импровизировать, черпая новости в собственном «послезнании», отчаянно импровизируя.

— Предполагают, что для восстановления промышленности нам понадобится лет сорок, а то и пятьдесят, — доложил я. — Дескать, Россия не сможет воссоздать предприятия, потому что нет ни кадров, ни оборудования. А самое главное — у нас нет средств ни для закупок, ни для подготовки кадров. Французы считают, что если они подсуеются чуть раньше американцев и англичан, то из нашей страны может получиться полуколония, вроде Алжира или Туниса, из которой они станут выкачивать сырье, и заставлять приобретать готовые изделия. В крайнем случае, можно договориться с другими членами Антанты, чтобы разделить Россию на сферы влияния. Англия пожелает вернуть утраченное в результате национализации и установить над нами внешнее управление.

— С-суки, — с чувством проговорил товарищ Сталин.

Я лишь кивнул, а остальной народ промолчал, разделяя мнение наркома по делам национальностей.

Что бы еще такое рассказать членам Политбюро? Наверное, об отношении французов к плану ГОЭЛРО, представленному в конце прошлого года в Большом театре. И, только я набрал в грудь воздуха, как товарищ Троцкий брюзгливо заявил:

– Товарищи, у меня мало времени. Все, что сказал Аксенов, можно прочитать в европейских газетах. Давайте все-таки заслушаем отчет по существу дела.

Жаль, а я уже приготовился поведать, что во всех французских газетах, начиная от «Эко де Пари» и заканчивая «Фигаро», написано о том, что свой план ГОЭЛРО большевики сперли у инженера станции «Электропередача», разработавшего этот план еще до войны. Да, а откуда Лев Давидович берет европейские газеты? Международное почтовое сообщение еще не действует.

Кажется, остальной народ не прочь бы послушать байки о Франции, но при словах Троцкого все друженько закивали, и Владимир Ильич беспомощно развел руками:

– Товаг’ищ Аксенов, если пг’исутствующие товаг’ищи хотят только по существу, значит, по существу.

Сегодня у меня не было при себе наглядных пособий – ни плакатов, ни схем, ни даже простенькой грифельной доски, чтобы доложить руководству партии и государства о проделанной работе, пришлось рассказывать так. Но зато имелась шпаргалка, в которую я заглядывал, чтобы не запомнить ни полученные от Игнатьева суммы, ни закупленные товары. Доложил о деньгах, о переводах из одного банка в другие, о приобретенных товарах и путях отправки, и о том, отчего я не стал покупать паровозы и трактора с сеялками. Уложившись за пятнадцать минут, мысленно похвалил себя за краткость изложения и предложил присутствующим задавать во-

просы. Первым, как и полагалось, задал вопрос Председатель Совнаркома, хотя он уже полчаса, как знал ответ:

– Тобаг’ищ Аксенов, сколько, на сегодняшний день, имеется сг’едств на всех счетах?

– После всех выплат и трат, на моих швейцарских счетах осталось около восьмидесяти миллионов франков. Это порядка десяти миллионов долларов. И на счетах Игнатьева, пока не выведенных, еще сто миллионов франков, – доложил я. Помедлив, и прикинув, уточнил: – Сто миллионов – это со слов самого генерала. Как вы понимаете, узнать точную сумму я не могу. Возможно, плюс-минус миллион, или два. Надеюсь, что удастся в ближайшее время перевести франки в доллары. Значит, у нас имеется более двадцати миллионов долларов.

– А зачем переводить франки в доллары? – удивился Крестинский. – При обмене валюты вы теряете деньги на комиссии. При таких значимых суммах потери составят... – Народный комиссар финансов прищурился, считая проценты и переводя их в номиналы денежных знаков и, через три секунды выдал результат. – Комиссия не менее восьмидесяти тысяч франков.

– Комиссия при обмене наличных денег составляет четыре процента, а при переводе из французского банка в швейцарский, и по безналичному расчету, только два, – пояснил я. – Но эта комиссия компенсируется процентами. Ну, почти компенсируется. А самое главное, что если бы при обмене

и шла реальная потеря, то оно того стоило. Буквально за последние два месяца курс франка по отношению к доллару изрядно снизился: если в ноябре прошлого года за доллар давали пять франков, то теперь восемь. По расчетам финансистов Парижской биржи, в самое ближайшее время соотношение франка и доллара будет один к двадцати, а то и к двадцати пяти. Поэтому, я принял решение менять франки на доллары.

– Разумно, – кивнул Крестинский. Слегка повернувшись к коллегам, сказал: – Я думаю, следует оповестить об этом всех товарищей, работающих за границей – по возможности, пусть переводят франки в доллары, или в фунты стерлингов.

Эх, слава богу, что члены Политбюро не стали меня спрашивать – откуда у меня такие сведения. В *той* истории курс франка к доллару резко снизился после биржевого кризиса тысяча девятьсот двадцать пятого года. Не рассказывать же, что Семенов-Семенцов, не без моей помощи, поспособствовал падению франка? Ох ты, а ведь кризис-то никто не отменял. Правительство как печатало облигации на восстановление Франции, так и печатает, а обыватели их покупают. Это же на сколько пунктов рухнут биржевые котировки и куда брякнется франк?

Нет, пока наш рубль не вошел в число мировых валют – реформа Сокольникова еще не случилась, лучше вкладываться в зеленые бумажки.

– Товарищ Аксенов, а почему вы не привезли деньги в

Советскую Россию? – спросил Молотов.

Вопрос был странным не только для меня, но и для всех остальных. Но уж коли задали, придется отвечать.

– Во-первых, чисто технически. Одна купюра весит примерно один грамм. Если возьмем миллион долларов банкнотами по сто долларов, получается...

Математик из меня так себе, и я задумался, считая в уме – сколько же это будет, но меня опередил Троцкий:

– Считать по сто долларов – десять килограммов, а двадцать миллионов – это уже двести.

– А сколько в пудах? – вытаращился Молотов.

– Двенадцать с лишним пудов, – перевел с русской системы измерений в европейскую Каменев.

– И что? – пренебрежительно фыркнул очкарик. – Аксенов, парень молодой, здоровый, утащил бы за два приема. Ну, может за три. И что, не утащил бы?

– Простите, не знаю вашего имени-отчества, – извинился я.

– Вячеслав Михайлович, – буркнул товарищ в очках.

Ага, все-таки я прав, узнал. Странно, что будущий наркоминдел не знает метрической системы.

– Очень приятно, – кивнул я как можно любезнее. – Так вот, Вячеслав Михайлович, предлагаю вам потаскать чемоданы на двести с лишним килограммов, стоимостью в миллионы, да без охраны, и при четырех пересадках. Меня бы убили где-нибудь на ближайшей станции, да и с таможней

проблемы.

Я не стал говорить, что из Франции и так пёр пару увесистых чемоданов, набитых дефицитными товарами. Может, сам бы не догадался, заполнил бы свой багаж одними книгами, но спасибо Наталье, подсказавшей, что следует привезти что-то в подарок друзьям. И валюты немножечко притащил, но это так, к сведению.

– А если брать купюры крупнее? – не унимался Молотов.

– Слышал, что есть купюры по пятьсот долларов и по тысяче, но сам ни разу не видел, – вздохнул я. – Да и по сто долларов банкноты в европейских банках нечасто встречаются. Самые ходовые – по десять, есть по двадцать. Боюсь, пришлось бы брать деньги по двадцать, и по пятьдесят долларов. Представляете, сколько это весит? И не уверен, что в Париже нашлось бы столько стодолларовых купюр. Сомневаюсь, что Франция разрешила бы вывезти столько наличности. А если и разрешила, то провезти все легально в Советскую Россию я бы не смог.

Молотов призадумался. Крякнув, виновато сказал:

– Извини, – начал он, потом поправился, – извините, Владимир Иванович, не подумал, глупость сморозил. Я же ни разу американских денег не видел. Думал, они как у нас – по пятьсот рублей ходят.

Если я поначалу и разозлился на Молотова, то отошел. Все-таки, когда человек признает свою ошибку, это уже неплохо. И переводить пуды в килограммы и тонны товарищ

научится, ничего страшного.

– Владимир Иванович, а разве обязательно было делиться денгами с французскими банкирами? – спросил вдруг Сталин.

Ну, Иосиф Виссарионович, от вас я такого вопроса не ожидал. А еще друг. С другой стороны – объяснять все равно придется.

– Мне пришлось пожертвовать малым, чтобы получить основной капитал, – пояснил я. – Если бы я не отдал часть денег банку, то мне вообще не удалось бы совершить вывод средств в Швейцарию. Банк сумел бы найти повод, чтобы оставить деньги у себя.

– Спасибо Владимир Иванович, ви меня убедили, – кивнул Сталин. – Думаю, что и остальных товарищей тоже.

Я обвел взглядом присутствующих. Кажется, Политбюро согласно с товарищем Сталиным. Ан, нет.

– А я не считаю ответ торгпреда убедительным. Мне кажется, что товарищ Аксенов совершил предательство. В сущности, он изменил делу революции. Отказ правительства революционной России от уплаты царских долгов был необходимым условием для успешного совершения нашей революции. Революция...

С этими словами Лев Революции встал, поправил пенсне, и принялся вещать:

– Революция – это условие выживания человеческого общества, его непрерывное обновление и развитие, а отказ от

революции означает деградацию общества. Общество должно обновляться посредством резкого изменения его основ, и его структуры. Декрет, принятый нами, аннулирование долгов не может рассматриваться с точки зрения естественно-го – то есть, буржуазного права. И то, что сделал Аксенов, по сути своей, предательство интересов революции. Товарищ Аксенов, заплатив долги, совершил непростительную ошибку. Он создал прецедент, из-за которого правительство Франции, и остальные страны Антанты, потребуют уплатить и все остальные долги.

Ну ничего себе. Лев Давидович шьет измену революции и обвиняет в предательстве. Откровенно говоря, мне стало не по себе.

– Товариш Троцкий, нэ говорите ерунды, – усмехнулся Сталин. – Товариш Аксенов кавалэр двух ордэнов Краснаго знамэни. У нэго ран на тэле болше, чем у нэкоторых атвэртственных таварыщей естэственных отвэрстий. Это ва-пэр-вых. Ва-вторых, у нэго не было другого выхода. Еслы Владимир Иванович уплатил часть далгов, он знал, что он дэлает, и зачэм он это дэлает.

После слов Сталина на душе стало легче, но Зиновьев, слушавший Троцкого в оба уха, подскочилс места:

– Да какой тут может идти разговор? О чем разговаривать? Неважно, что торгпред получил деньги, если он преступил закон революции. Я предлагаю от имени Политбюро приказать Дзержинскому, чтобы тот сегодня же снял Ак-

сенова с ответственного поста в ВЧК. А дальше следует отдать товарища Аксенова – впрочем, какой он товарищ? под суд, за утрату революционного чутья. И нужно сделать это немедленно.

Хм, все страньшее и страньшее, чудесатее и чудесатее. Троцкий, допустим, на меня зуб имеет за Тухачевского, но тебе-то Григорий Евсеевич, когда я на хвост наступил? Какие-то ваши Коминтерновские заморочки? И как Наташка работает в таком гадюшнике?

В разговор вмешался товарищ Каменев, председатель Моссовета.

– Григорий, – сказал Леонид Борисович, на правах родственника обращаясь к коллеге по имени. – Если мы отдадим Аксенова под суд, то кто деньги из банков вызволять станет? Ты, что ли? У Аксенова и ключи, и шифры, и хорошие отношения с Игнатьевым.

Я решил, что терять мне уже нечего, и решил пошутить. Надеясь, что голос не дрожит, сказал:

– Вывод напрашивается сам собой – как только я выведу деньги из французских банков, отдам их в распоряжении Совета народных комиссаров, то по возвращению домой меня тут же арестуют и отдадут под трибунал. К тому же, если я вас правильно понял, – посмотрел я на Троцкого, – Geld wächst nicht auf Kirschbäumen. – Обращаясь к присутствующим, уточнил. – Это я старую немецкую поговорку вспомнил, что деньги не растут на вишневых деревьях.

Члены Политбюро только запожимали плечами. Никто, даже Владимир Ильич, считавшийся германофилом, не мог сказать – есть ли у немцев подобная поговорка, или нет? А вот товарищ Троцкий все понял правильно.

Смущенно закашлявшись, Лев Давидович сказал:

– Владимир Иванович, товарищ Зиновьев несколько перегнул палку. Никто не собирается вас арестовывать, и уж тем более отдавать под трибунал. Все, что сказано, это всего лишь образ.

– Подождите-ка, Лев Давидович, – возмутился Зиновьев. – А кто только что говорил, что Аксенов изменник делу революции? Если он изменник и предатель, Аксенова следует отдать под ревтрибунал.

Неожиданно, Владимир Ильич сделал то, чего присутствующие меньше всего от него ожидали. Председатель Совнаркома стукнул по столу кулаком и рявкнул:

– Товаг’ищи, вы сейчас занимаетесь глупостями, обвиняя Аксенова в том, чего он не делал. Или вы плохо слушали, или не пожелали понять? Товаг’ищ Аксенов был вынужден пожертвовать малым, чтобы получить большее. Кстати, мы и сами иногда так поступали.

Оказывается, товарищ Ленин бывает разгневанным? В фильмах это не показывали. Или показывали, но не в тех, что мне довелось посмотреть.

От гневного голоса Председателя Совнаркома все члены Политбюро враз притихли. И, только Молотов, словно

школьник, вдруг поднял руку.

– Владимир Ильич, а можно задать вопрос товарищу Аксенову? – Дождавшись кивка Вождя, Вячеслав Михайлович спросил: – Владимир Иванович, как я понял, первоначально деньги числились за графом Игнатьевым, и он потом выводил их на ваши счета?

– Так точно, – согласился я.

– Тогда получается, что долги французскому банку отдавал Игнатьев, а не вы? Стало быть, товарищи Троцкий и Зиновьев ошибаются, обвиняя вас в измене революции?

Хм, а ведь Молотов-то, на самом деле, человек очень даже неглупый, если оказался единственным человеком, понявшим самое очевидное.

– Да, платежные документы подписывал Игнатьев, но коль скоро его здесь нет, то вся ответственность возлагается на меня. Тем более, что я даже не уверен, является ли генерал гражданином Советской России.

Действительно, является ли бывший генерал и бывший граф гражданином РСФСР, я не знал. Есть ли какие-то законодательные акты, устанавливающие связь государства и человека, ранее являвшегося подданным Российской империи, но уже много лет пребывающего на чужой территории?

– Я считаю, что таварыщи Троцкий с Зиновьевым должны извиниться перед таварыщем Аксеновым, – жестко сказал Сталин. Переведя взгляд на меня, Иосиф Виссарионович сказал: – Владымир Иванович, я прошу и меня извинить, ес-

ли мой вопрос показался вам неуместным иди обидным.

– Иосиф Виссарионович, ваш вопрос был по существу, никакой обиды здесь быть не может, – старательно помотал я головой.

– Владимир Иванович, если я вас обидел, прошу прощения, – нехотя сказал Троцкий, отводя глаза.

Я кивнул, давая понять, что извинение принято и инцидент исчерпан.

– А я не считаю нужным приносить извинения Аксенову, – усмехнулся Зиновьев. – В конце – концов, он сам виноват. Нужно было сразу сказать, что долги отдавал не он, а бывший царский генерал.

Не хочешь извиняться, так и хрен-то с тобой. Переживу. Улыбнувшись в ответ, я сказал:

– А я бы и не принял вашего извинения гражданин Зиновьев.

Не знаю, чем бы закончилась наша перепалка с Зиновьевым, но вмешался Владимир Ильич.

– Владимир Иванович, как пг'едседательствующий на Политбюро, я пг'иношу вам извинения от имени товарища Зиновьева.

После слов Ленина мне стало стыдно.

– Владимир Ильич, я тоже приношу вам свои извинения за то, что вел себя как капризный мальчишка.

Извинившись перед Лениным, я еще разок посмотрел на Зиновьева и вспомнил, что всесильного властителя Петро-

града, «Григория Третьего», по вздорности и злопамятности считают даже покруче, нежели вместе взятых Троцкого и Каменева. Стало быть, я себе приобрел еще одного врага.

— Владимир Иванович, а вы подняли нужный и важный воп'ос, — хмыкнул вдруг Ленин. — Насколько помню, в наг'комате юстиции готовится декг'ет о гражданстве. Нужно обдумать и внести в него положение о лицах, пг'ебывающих за границей.

— Владимир Иванович, уж коль скоро мы с вами простили друг друга, может быть, вам будет интересно одно выгодное дело? — заявил Троцкий, сделав самый невинный вид. — Мне привезли парочку американских газет. В одной из них размещено любопытное объявление о подписке на покупку очень выгодных акций Акционерного общества Main road в отделениях Нью-Йорка и Парижа. Вот я и подумал, что если у вас имеются свободные средства в парижском банке, то их можно очень выгодно вложить. Обещают, что через месяц стоимость акций вырастет чуть ли не в десять раз.

Main road... Где-то я уже слышал это название. Как там? Главная дорога?

Троцкий же, приняв мою задумчивость за интерес, продолжил:

— Есть англо-американское акционерное общество Main road с уставным капиталом в сто миллионов долларов, они собираются прокопать тоннель под Ла-Маншем. Дело действительно выгодное, об этом тоннеле уже лет сто талдычат.

Семенов, опять ты?! Ты же хотел по-тихому свалить? И когда же успел?

Глава третья. Французские духи

Я вышел из зала заседания, и на плохо гнувшихся ногах дошел до стула и плюхнулся. Глянув на недовольную физиономию товарища в очках, вспомнил, что до сих пор сжимаю в руке карандаш, который зачем-то взял с собой. Выложил карандаш на столешницу, кивнул парню – мол, забери, но тот отчего-то настороженно замер. Видимо, морда у меня была в тот момент не самая подходящая для дискуссий.

Фух, можно перевести дух. Думаете, если я рассказываю о заседании так легко и свободно, то и сам чувствовал себя также? Ага, как же. Пару раз чувствовал, как по спине течет струйка холодного пота. Надеюсь, моя французская сорочка, с крахмаленным воротничком, не пострадала? Где я себе в Москве такую найду?

Слава богу (м-да, даже коммунисты вспоминают о Все-вышнем в таких ситуациях) меня не арестовали, не расстреляли, и даже работу миссии признали удовлетворительной, поручив объявить всем сотрудникам благодарность. Что ж, объявлю. И даже премию выпишу, франков по сто. Нет, по сто жирно, и по пятьдесят хватит.

Дух уже перевел, пот благополучно высох, можно подождать товарища Ленина. Интересно, как долго придется ждать?

Словно отвечая на мой мысленный вопрос, дверь отвори-

лась и в предбаннике появилась товарищ Фотиева.

– Владимир Иванович, – сообщила секретарь, поджимая губы. – Владимир Ильич просил передать, что заседание продлится еще часа два и вы пока можете сходить погулять, а потом он приглашает вас на обед.

Кажется, Лидия Александровна была недовольна, что Ленин приглашает на обед какого-то Аксенова, но вида не показала. И где Председатель СНК отыскивает секретарей, у которых на физиономиях написано страдание от запора?

Я невольно перевел взгляд на огромные настенные часы, показывавшие шесть часов. Через два часа уже не обедать, а ужинать пора, но как знать, не придерживается ли товарищ Ленин английской системы, когда обедают поздно?

Уже собираясь выйти, вспомнил, что свое пальто и кепку оставил в квартире Ленина. Выходить в зимнюю Москву в одном костюме показалось неправильным, а сидеть в этом предбаннике еще два часа нет ни желания, ни сил.

– Мне бы пальтишко забрать, – робко попросил я, а Фотиева, смерив меня еще более недовольным взглядом, ужала губы в тонкую щель и, не говоря ни слова, пошла по направлению к лифту, постепенно ускоряя шаги.

Время не засекал, но как показалось, что секретарь вернулась почти мгновенно. Передавая мне верхнюю одежду, Лидия Александровна соизволила сказать:

– Модное у вас пальто. Заметно, что за границей покупали.

– Увы, мадемуазель, что имеем, то и носим, – вздохнул я.

От такого обращения, товарищ Фотиева обмерла. Вон, даже рот слегка приоткрыла. Вот, незадача. Опять из вылезли замашки из будущего, в котором всех женщин от пятнадцати и до шестидесяти пяти называют девушками. Зато Лидия Александровна заговорила вполне человеческим голосом:

– Нет, Владимир Иванович, в Москве нужно что-то потеплее носить. Для Франции ваше пальто сойдет, а для нашей погоды оно неподходящее, да и кепочку лучше шапкой заменить.

Не буду же я говорить, что кроме шинели у меня ничего нет, да еще вспомнить бы, где я ее оставил? Ни в своем кабинете, ни в комнатухе в Доме Советов я ее не нашел. А это пальто мне покупала Наталья, взамен того, в котором я явился в Париж. Дочери графа Комаровского, видите ли, не понравился цвет и фасон верхней одежды своего жениха. Дескать – в таких еще до Первой русской революции ходили. Пальто, кстати, я получал в распределителе на Лубянке, перед своей первой поездкой во Францию в составе делегации НКВД, а выбирать его помогала Лидочка – супруга Артузова. А, вспомнил, куда девал шинель! Мы же тогда отправились на квартиру Артура, я там переоделся, а шинель и оставил, с намерением забрать ее в самое ближайшее время, но стало не до того.

Шаркнув ножкой перед секретарем Ленина, я отправился гулять. Вышел из Кремля через Спасские ворота, прошелся

по Красной площади, и понял, что гулять мне расхотелось. Уж слишком холодно в столице моей родины, а пальтишко и кепка и на самом-то деле не спасают ни от мороза, ни от ветра. Пойду-ка я на свое рабочее место, в кабинет на Лубянке. Авось, встречу кого-нибудь из знакомых, да и товарищу Ленину надо бы подарок отдать. Я второй день обитал в Москве, но в комнатке в Доме Советов было только самое необходимое, вроде смены белья и зубной щетки, а чемоданы с подарками оставил в рабочем кабинете. Все-таки, на коллег из ВЧК надежды больше, нежели на неизвестных соседей, пусть они и крупные партчиновники, а открыть замок на дверях моей комнатушки – раз плюнуть.

Эх, нехороший я человек. Почему это не верю в честность и добропорядочность советских людей? Видимо, сказывается буржуазное окружение, в котором я пребываю последние месяцы. В мире капитализма, как-никак, плавают либо акулы, либо рыба помельче, но тоже хищная. И как, скажите на милость, сохранять доверие?

Ежели, понесусь мелкой рысью, вроде той, с которой передвигается товарищ Фотиева, замерзнуть не успею. Но тут, совершенно кстати, со стороны храма Василия Блаженного донесся звонок трамвая.

В вагоне почти также холодно, как и на улице, зато ветром не дуло, а до Большой Лубянки всего одна остановка. Хмурая тетенька-кондуктор, в валенках с калошами, потрепанном меховом жилете, наброшенном на телогрейке, зато с

новой кожаной сумкой, к которой прикреплены четыре катушки билетов. Услышав, что мне нужно до Большой Лубянки – всего-то одна остановка, кондукторша изумленно вскинула брови и содрала с меня проезд аж десять тысяч рублей. Теперь понятно, почему трамвай едет полупустым. А совсем недавно ездил бесплатно. Стало быть, военный коммунизм на транспорте отменили. Правильно, разумеется, но цены убойные. Инфляция растет, но десять тысяч, как знаю, это либо стоимость обеда. Билетик сожрал всю имевшуюся в карманах российскую наличность. Ладно, все равно надо либо валюту менять на рубли, либо жалование получать. Любопытно, сколько мне нынче причитается? Нет уж, когда окончательно вернусь в Москву, выбью себе служебную машину. Начальнику ИНО ВЧК положен личный транспорт, а иначе на общественном разорюсь.

В здании Лубянки дежурный, помнивший меня еще со времен учебы на курсах, сообщил:

– Товарищ Аксенов, вас Артур Христианович спрашивал. Велел передать, что очень хочет вас видеть. Мол, чтобы вы к нему зашли, как приедете.

Прежде чем пройти в кабинет Артузова, располагавшегося этажом выше, я заскочил к себе, чтобы захватить подарки, а заодно придумать, что подарить товарищу Ленину? Хотя, для Владимира Ильича есть одна вещь, что может понравиться вождю. Сунув подарки в бумажный пакет, пошел к Артуру.

В отличие от моего кабинета, выходявшего прямо в коридор, у начальника ОСО имелась небольшая приемная, где сидела унылая девушка, стучавшая по клавишам «Ундервуда». Чувствовалось, что пишбарышня устала, и ей хотелось домой, но вот работе конца-края не видно.

– Начальник у себя? – поинтересовался я, на что девица только кивнула, не спрашивая, кто таков, и по какому вопросу, хотя секретарям и положено ограждать начальство от лишних, или ненужных посетителей.

Артузов тоже был занят – что-то рисовал. Услышав шум открываемой двери, сделал попытку повернуть бумагу рисунком вниз, но узнав старого друга, расслабился. После рукопожатий Артур кивнул на рисунок и смущенно пояснил:

– У нас большие реформы грядут. Гражданская война заканчивается, нас перестраивать станут. Скоро фронты начнут в военные округа перестраивать, как при царском режиме. Мне послезавтра на коллегии выступать о планах работы Особого отдела, потому решил, по твоему примеру сделать наглядное пособие. Глянь, как тебе? Новая структура ОСО.

Я глянул. М-да. Схема выглядит очень красиво, и рисует Артузов отлично, и почерк, в отличие от моего прекрасный, но...

– Переделай, – предложил я.

– А что не нравится? – удивился Артур.

– Артур, я-то ладно, переживу, но ты должен оценить будущую реакцию Феликса Эдмундовича, да и не только его.

Не помнишь, отчего сняли с должности товарища Кедрова? Кстати, моего наставника, да и твоего тоже? Он же сделал из ОСО собственную структуру. А ты что творишь? – ткнул я пальцем в схему. – У тебя отделы контрразведки будут существовать параллельно с территориальными отделами чека. Ну, пусть называть нас станут не Чрезвычайной комиссией, не суть важно. Найдут старшие товарищи название, прикрепят. Вон, у тебя задуманы уездные бюро контрразведки, на кой они нужны? Это и лишние деньги, и штаты.

– Два или человека на уезд, это разве много? – пожал плечами Артур.

– Два-три человека, нет смысла и пачкаться. Они ни дежурство организовать не смогут, ни оборону. Уж пусть лучше губчека с уездными отделами милиции сотрудничают. А по России это сколько будет? Сколько у нас губерний? Не помню точно, но что-то около шестидесяти. Опять-таки, за достоверность цифр не ручаюсь, но пусть будет шестьсот уездов. Получается, более тысячи единиц личного состава. На уровне уезда очень мало, а на уровне государства – очень много. А теперь скажи – что будет делать бюро контрразведки в каком-нибудь Мухосранске, где все население тысяч десять, а то и меньше? Они там сопьются за две недели. Не зря же уездные чрезвычайки еще в девятнадцатом году отменили.

– А как нам подозрительные элементы выявлять и на контроле держать? – огрызнулся Артузов. – В каждом уездном

городе есть бывшие офицеры, даже белогвардейские, бывшие полицейские, жандармы, да и прочие, типа махновцев. Уездные бюро и будут этим заниматься.

— А зачем? — пожал я плечами. — Пусть в низовым военных комиссариатах — в волостных, уездных составляет общие списки, выделяют подозрительных персонажей, а губернский военкомат направит их в губчека. Губвоенком все равно отчет делает — сколько зарегистрировано бывших офицеров, и бывших белогвардейцев. А губернские чекисты пусть лучше с агентурой работают. Если бывшие по домам сидят, так и хрен с ним, а если трудятся, так не сложно к ним людей подвести, пусть присматривают. Опять-таки, особые отделы в губерниях и губчека станут постоянно натекать друг на друга, мешать работать. Может такое быть, чтобы разработку одного объекта вели сразу два подразделения? И на хрена это нужно? Народ же постреляет друг друга к чертям собачьим. А кому особые отделы губерний подчиняться станут? Армейские контрразведчики ладно, напрямую тебе, а как в губерниях? Сам же сказал, что фронты скоро начнут в военные округа реформатировать, куда ты фронтовые отделы контрразведки денешь? Если дивизия в каком-то городе размещена, то все равно без связи с местным чека ничего не выйдет. Пусть особые отделы местным губчека подчиняются, тебе же проще будет. Так что, сделай такую схемку.

Быстро, хотя и коряво, я набросал схему будущей структуры ОСО ВЧК (или уже ГПУ?). Головной отдел, этакий па-

учок, от которого шли паутинки к военным округам, и к дивизионным отделениям контрразведки.

– Вот так вот, – с удовлетворением констатировал я. Бросив взгляд на часы, спохватился. До встречи с Лениным остался час. Успеваю, разумеется, здесь и идти-то всего ничего, но лучше бы выйти заранее, с запасом, чтобы уж точно успеть. И еще подарки надо отдать.

Артузов тоже спохватился:

– Володя, чай будешь пить? Или, подожди с полчасика, пойдем ко мне в гости, поужинаем вместе?

– Увы, но сегодня я уже приглашен, – вздохнул я. Не стал хвастать, к кому именно приглашен, а только сказал: – Я же сегодня в Кремле был, с отчетом, так меня один товарищ пригласил, а я уже согласился. Знал бы, что тебя встречу, отказался бы, а теперь уже поздно, пообещал.

Вот тут я малость соврал, от приглашений к руководителям государства не отказываются, но эта ложь не такая и страшная. Скажем так, непринципиальная.

– Жаль, но если пообещал, надо идти, – кивнул Артур. – Лидочка на днях о тебе спрашивала – мол, как там Владимир, женился ли на Наталье Андреевне?

– Официально еще не поженились, но мы в процессе, – доложил я, вытаскивая из пакета еще один пакет, поменьше, зато заполненный кофейными зернами, потом еще свертки и сверточки. Почувствовав себя Дедом Морозом, сказал. – Вот, настоящий кофе, из Бразилии. Духи, это для супруги, и

чулки для нее же. А вот шоколад.

— Ну, ты даешь! — обрадовался Артузов подаркам, особенно кофе. Взяв коробку с духами, открыл ее, понюхал флакон. — Представь, супруга недавно мечтала — где бы ей хорошие духи купить? В Москву все больше польскую контрабанду привозят, а мне, вроде, неловко такую покупать. Можно, конечно, товарищам французские духи заказать, но сам понимаешь...

Еще бы я не понимал. Начальнику контрразведки республики только свистнуть — ему не то, что флакон, цистерну духов подгонят. Хоть ту же Шанель, хоть Кристиан Диор. Впрочем, я про такие духи здесь еще не слышал¹. Но французские духи не сегодня придумали, и не вчера. Вообще, Франция и духи — это близнецы-братья. Перефразируя классика «Мы говорим Франция, подразумеваем — духи, мы говорим духи, подразумеваем — Франция». И привезут даже не вражеские шпионы, а «честные контрабандисты», с которыми мы не устаем бороться и в этой, и в *той* истории. Но Артузов слишком принципиальный человек, чтобы пользоваться служебным положением. Даже я, заработавший репутацию честного человека, по сравнению с Артуром, жулик и двурушник.

— Вот видишь, какой я догадливый, — хохотнул я, прики-

¹ И правильно, что не слышал. Хотя «Шанель № 5» и были изобретены в 1921 году, но в продажу еще не поступили, а Кристиан Диор начнет выпускать парфюм еще позже, в 1942 году.

дывая – не оставить ли Артузову красивый бумажный пакет, с картинкой, изображавшей Эйфелеву башню, или зажать? Решив, что себе я еще найду, великодушно решил оставить.

– Только скажи-ка честно – сам догадался, или Наталья Михайловна посоветовала? – поинтересовался Артур, хитренько посмотрев на меня.

– А вот своих товарищей и даже друзей, допрашивать неприлично, – решил я уйти от ответа. – А будешь много болтать – будешь мало кушать!

– Все ясно, – усмехнулся Артузов. – Очередной «аксенизм».

– Что, очередной? – не понял я.

– «Аксенизм» – любезно пояснил Артур Христианович. – Словечко у нас новое появилось. Как услышим – «крышу снесло», «чердак протек», «отморожен, на всю голову» – так сразу и говорим – «аксенизм», мол. А товарищ Дзержинский уже пообещал выговоры объявлять за «аксеновщину». А кому объявлять? Недавно на коллегии разбирали жалобу на товарищей из Самары, что медленно дела рассматривают, так Ксенофонтов заявил: «Как сказал бы Аксенов – Ёж, птица гордая. Пока не пнешь, не взлетит!» Представляешь, сколько хохоту было? Да что Ксенофонтов. Недавно сам товарищ Дзержинский сказал – мол, что за хренотень ему на подпись принесли? Володя, ты скажи – откуда у тебя столько странных слов?

Ну и чего тут ответишь? И это не первый человек, кто ло-

вит меня на «странных» словах. Та же Наташка уже не раз спрашивала. Ишь ты, «аксенизмы»... Нет, надо бы как-то себя контролировать, вроде, стараюсь, но значит плохо стараюсь.

Раздумывая, чтобы ответить, поймал себя на том, что рука тянется почесать затылок, а этого в присутствии начальника контрразведки республики делать нельзя. Потому, я только раздумчиво пожал плечами и сказал:

– Артур, я и сам не знаю. Вот, появляются они откуда-то, а откуда и как – убей бог не знаю. Может, оттого что с языками иностранными беда – приходится то английский осваивать, то французский, потому и лезут в речь всякие сорняки.

Не знаю, сумел ли убедить Артузова, нет ли, но ничего более умного в голову не пришло. Но вроде, убедил.

– Володя, – слегка замялся Артур, опять приняхиваясь к склянке. – Ты не обидишься, если я духи пока придержу у себя?

– Конечно нет, – удивился я. – Придерживай, сколько хочешь.

– Видишь ли, у Лидочки день рождения через неделю. Я бы ей тогда и подарил. А ничего, если я скажу, что специально тебя просил, чтобы ты из Франции духи привез?

– Конечно ничего. Наоборот – Лидочке будет вдвойне приятно, что ты заранее позаботился. А чисто формально – ты же мог мне заказать, правильно? А может ты и заказывал, а я забыл.

Я посмотрел на часы – полчаса осталось, надо бежать, а иначе опоздаю.

– У входа дежурная машина, водителю приказано мотор не глушить. За десять минут довезет. Хочешь, отправлю? – предложил Артур и сняв телефонную трубку отдал команду.

Хм, а ведь я и сам мог бы взять дежурную машину. Не подумал. Когда я уже стоял в дверях, Артузов спросил:

– Тебя же Владимир Ильич пригласил, правильно?

– Он самый, – не стал я врать, и ломать голову – как это главный контрразведчик страны «вычислил», кто меня пригласил? Сложного ничего нет. О заседании Политбюро Артузову положено знать, а кто мог бы пригласить меня на ужин? Точно, что не Троцкий и не Каменев. Мог еще Сталин, но этот в Москве наездами, сам питается где попало.

– Володя, ходят слухи, что новым начальником ВЧК можешь стать ты. Советую тебе, как другу – откажись. Не знаю, какую причину для отказа можно придумать, но ты человек умный, придумаешь. Но на молодость и на недостаток опыта лучше не ссылаться, сам понимаешь. Как ты говоришь – не прокатит.

Глава четвертая. Суп с фрикадельками

Не думаю, что в *моей* истории я сумел бы доехать от Большой Лубянки до Кремля за десять минут – даже «ведерко» не помогло бы. Да и через Спасские ворота, по направлению к Большому Кремлевскому дворцу, тоже бы сразу не пропустили. А тут часовой при виде автомобиля с узнаваемым номерным знаком ВЧК отодвинулся в сторону и даже сделал попытку вскинуть ладонь к папахе. Будь я комендантом Кремля, отправил бы его проходить курс молодого бойца. Уже и не помню, в который раз я об этом думал, глядя на часовых у сердца Советской России? Гонять их, как Сидоровых козлушек, вбивая основы караульной службы.

За время поездки успел слегка поломать голову – почему Артузов советовал мне отказаться от должности руководителя обновленной ВЧК? Считает, что я не гожусь для роли большого начальника? Так я на него не в обиде, сам знаю, что не гожусь. Пока, по крайней мере. Не мой уровень, не дорос я покамест до него. Справлюсь, разумеется, куда я денусь, но месяца два, если не больше, это будет сплошная череда проб и ошибок. Ни опыта соответствующего, ни самое главное – связей. И авторитета подстать Феликсу Эдмундовичу у меня нет. А мне желательно бы обойтись без накладок. В идеале –

года два, а лучше три, поработать бы на посту начальника Архчека, потом перейти на службу в Центральный аппарат, на должность заместителя начальника какого-нибудь отдела, потом стать замом Председателя ВЧК. Вот, глядишь, лет через пять я бы дорос и до должности начальника.

Или Артузов считает, что если я займу эту должность, то меня «сожрут» старшие товарищи и коллеги? Такой вариант тоже не исключен. Сожрут и не подавятся. Чего бы хорошего, а подковерные интриги существовали всегда, в любой стране, как ты ее не называй – хоть РСФСР, а хоть и просто – РФ. Плавали, знаем. А Артур один из немногих людей, кому я могу доверять почти целиком. Ключевое – «почти», потому что на сто процентов я не смогу довериться никому, даже Наташке. Представляю, что будет, если начну всерьез объяснять жене, что я «попаданец». Потому о некоторых вещах лучше помалкивать даже с самыми близкими людьми.

Но вот касательно того, займу ли я должность Председателя ВЧК, могу быть совершенно спокоен – нет, не займу. Во-первых, помню, что товарищ Дзержинский останется на своей должности еще пять с лишним лет. А во-вторых, а это на сегодняшний день самое главное для республики – я являюсь владельцем миллионных счетов в швейцарских банках, и без меня Советская Россия их не получит, равно как и оставшиеся деньги графа Игнатьева.

Сейчас, если здраво подумать, я только числюсь начальником ИНО, а реально выполняю роль резидента в чужой

стране. В сущности – уровень майора-подполковника, но уж никак не генерала. Мне бы сидеть в Москве, создавать отдел внешней разведки, подбирать людей, получать указания руководства, а потом определять методы и методику работы, писать инструкции и добывать информацию, необходимую для безопасности государства. Понимаю, что на сегодняшний день для страны важнее, чтобы я вытаскивал из французских банков миллионы, а не просиживал штаны, но все равно, червячок гложет.

В квартире Владимира Ильича меня встретила прислуга – девушка лет двадцати, в фартуке, и в наколке. Симпатичная, чуть полноватая, с курносым носом. По первому впечатлению – приехала откуда-то из деревни в Москву и очень удачно устроилась. Взяв у меня пальто и кепку, шепотом сказала: – Оне вас ждут.

«Оне» – Владимир Ильич, так и оставшийся в костюме и галстук, и его супруга – Надежда Константиновна, не в привычной по старым фотографиям строгой блузке с белым воротничком, а в домашнем халате цвета усталого верблюда и в каких-то разношенных кожаных тапочках. Мне показалось, что у супруги Владимира Ильича отекают ноги, отчего ей трудно ходить. Но это могло и показаться, не стану настаивать. Про базедову болезнь, которой, якобы страдала Крупская, помню – вон, глаза она пучит, а про все остальное, извините, не знаю. Не изучал я биографию жены Ленина, а ставить диагнозы не обучен, я не доктор.

– Наденька, это тот самый Владимир Иванович Аксенов, о котором у нас очень много говорят, – представил меня Владимир Ильич.

– Очень приятно, – сказала Надежда Константиновна, протягивая руку и крепко, почти по мужски, стиснула мою ладонь.

– Можно просто Владимир, – улыбнулся я, желая произвести хорошее впечатление на жену Ленина.

Приятного впечатления, я похоже, не произвел. Супруга вождя только окинула меня пронзительным и, как мне показалось, презрительным взглядом. Но опять же, повторю, могло просто показаться. И взгляд никакой не презрительный, а просто следствие болезни. Да я где-то и понимаю Надежду Константиновну. Женщина хотела провести время в узком семейном кругу, а тут на ужин вваливается совершенно незнакомый человек, без предупреждения. Мне, например, такое бы не понравилось. Но раз уж я приперся, то обратно-то не уйду. Тем более, кушать хочется.

Мы сели за стол, и та же девушка принялась накрывать.

Если бы я попал за стол к товарищу Ленину с год, а то и с полгода назад, изумился бы изобилию, но после французской кухни суп с фрикадельками, молочная рисовая каша, сыр, вареные яйца, сливочное масло и свежее выпеченный хлеб, уложенный в корзинку, уже не казались изысками. Конечно же, простой народ так не ужинал, но я бы не сказал, что Председатель СНК питался слишком роскошно.

Владимир Ильич ел жадно, словно крестьянин, уставший и проголодавшийся за день – вон, даже подставляет под ложку кусочек хлеба, чтобы не закапать скатерть. Надежда Константиновна напротив, работала ложкой как-то равнодушно, словно бы выполняла какую-то функцию или исполняла некий ритуал. Дескать – ну, надо же иногда и поесть? При этом, Крупская постоянно буравила меня взглядом, переводя взор то на меня, но на мужа.

– Владимир Иванович, не желаете стаканчик вина? – неожиданно спросил Ленин. – Сам-то я не буду, вг’ачи запретили, но вам-то можно.

Слегка удивившись, я только пожал плечами:

– Владимир Ильич, ради меня не стоит. Равнодушен к спиртному.

– Да, я наслышан, – усмехнулся Ленин.

Мы принялись за еду. Я обратил внимание на манеру Владимира Ильича закусывать кашу яйцом.

– А вот мы в молодости могли себе позволить и вина выпить, и пива, – заговорила вдруг Крупская, словно бы укоряя меня.

– Да, Наденька, – просветлел лицом Владимир Ильич. – Помнишь, в Швейцарии, когда мы с тобой гуляли и покупали у кт’естьян молодое вино и сыр?

– Володя, ты же никогда не любил вино, всегда предпочитал ему пиво, – заулыбалась товарищ Крупская. – Помню, как в Праге вы спорили с Шулятиковым – какое пиво луч-

ше? Он предпочитал немецкое, а ты чешское.

– Да как можно считать немецкое пиво пивом? Хуже него только английский эль.

Ишь, какие подробности из жизни вождей открываются. Владимир Ильич предпочитал вино пиво! А ведь я всю жизнь полагал, что Ильич был трезвенником. Если переживу гражданскую войну, доживу до пенсии, то напишу воспоминания о своих встречах с Лениным. А что такого? Чем я хуже тех курсантов, что вспоминали о том бревне, что они тащили на субботнике вместе с товарищем Лениным? Наверняка никто еще не писал о том, как Владимир Ильич приглашал его на ужин? Помнится, кто-то из соратников повествовал о «ленинском» бутерброде – куске хлеба, намазанном маслом, с вареньем и сыром.

– Наверное, только два человека среди моих знакомых не пьют – это вы и Феликс Эдмундович, – заметил Ленин. – Ну, товарищ Дзержинский ладно, он у нас аскет, считающий выпивку уделом слабых, ну, а вы-то? Или, вы скажете, что из-за религиозного воспитания?

– Нет, не скажу, – не стал я спорить с вождем. – Мои предки из староверов, но меня самого никто не учил, что пить водку ли, вино ли – это плохо. Мне это не нужно, вот и все.

– Странно. Вы ведь по своему происхождению не из рабочих, а из крестьян.

– А чем крестьяне отличаются от рабочих? – удивился я. – Что те пьют, что эти.

– Владимир Иванович, вы не читали исследования по поводу пьянства в кг'естьянской среде? – поинтересовался Ленин.

Читать-то я читал, только эти исследования проводились гораздо позже нынешней эпохи, и я неопределенно повел плечами.

– Прочтите хотя бы работу Павла Гг'язнова². Любое дело у кг'естьян начинается с пьянки. Да что там – четверть года русский кг'естьянин пг'оводит в праздности и пьянстве. Двенадцать главных церковных праздников, храмовые праздники, да еще разные даты, вг'оде тезоименитства импе'гатора, не говоря уже о свадьбах, крестинах и всем таком прочем. А из-за взрослых страдают и дети. Сг'едняя смег'тность детей на тысячу человек в Бг'итанской империи пятьдесят человек, а у нас шестьсот. И это данные на миг'ное время. Боюсь, сейчас статистика гораздо хуже.

– Так ведь, Владимир Ильич, – решил я заступиться за свой класс, – крестьяне пьют не от хорошей жизни, да и развлечений у них не так и много. Кабак для них – и клуб, и библиотека. Да и детская смертность зависит не только от пьянства родителей, но и от уровня развития медицины, от нищеты. А чем лучше рабочие? Разве они меньше пьют?

– Пролетариат – восходящий класс. Он цельный, здоровый. Пролетариат не нуждается в опьянении, которое бы его

² Грязнов П.В. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. С. Петербург. 1886.

оглушало или возбуждало. Ему не требуется ни опьянение половой несдержанностью, ни опьянение алкоголем. Может быть, кто-то из рабочих, еще не оторвавшийся от крестьянского мира, если и позволит себе выпить, то это ненадолго. Как только вчерашний крестьянин вырастет в новую среду, станет истинным пролетарием, как он перестает пить.

Владимир Ильич проговорил это с такой убежденностью, что если бы я в своей жизни не видел этого самого «пролетариата», не вылезающего из рюмочных или квасивших в собственной квартире, или в детской песочнице, поверил бы на слово. А уж теперь, во время гражданской войны, так вообще лучше промолчать. Наверное, и на самом-то деле в Советской России не пьем только мы с товарищем Дзержинским.

– Володя, ты опять идеализируешь пролетариат, – вмешалась Крупская. – Вспомни, как в том же Лонжюмо наши молодые пролетарии – некоторые даже потомственные рабочие, накачивались французским вином, а кое-кого приходилось выручать из полицейских участков за дебоши.

– Накачивались, потому что они были оторваны от своей родины, от работы, и от своего коллектива, – парировал Ленин. – А по возвращению в цеха они сразу же переставали пить. Им это просто не нужно. Вон, как Владимиру Ивановичу. Мы уже разрешили открывать частникам рестораны и пивные, где можно продавать пиво. А товарищи из Политбюро настаивают на свободной продаже водки. Дескать, это

принесет в бюджет не менее пяти процентов дохода³. Но я категорически против. Пиво, это еще туда-сюда, но водки в стране победившего социализма быть не должно.

Я не стал говорить, что товарищи из Политбюро поскромничали. После отмены «сухого закона» доходная часть государственного бюджета от продажи водки составит двенадцать процентов. Другое дело, что потери государства от пьянства были гораздо выше, нежели доходы с продаж.

Вошла горничная, унесла опустевшие тарелки, принесла корзинку с сухариками, варенье, а потом чай в стаканах без подстаканников. Горячо же...

– Владимир Иванович, а в честь кого вас назвали? – поинтересовалась вдруг Надежда Константиновна, проигнорировав предложение обращаться просто по имени.

– Да кто его знает? – честно ответил я, так как и на самом деле не знал, почему меня так назвали. – Родителей у меня давно нет, их не спросишь. Может, священника нужно спросить, который крестил? Но мне как-то все равно было – как назвали, так и назвали.

– Вы сирота? – спросила Крупская.

Теперь я пожалел, что не расспросил поподробнее тетку о своих родителях. Я ведь даже не знаю, сколько мне лет было, когда они умерли, и обстоятельства смерти. И как я жил, и где жил, тоже не знал. Поначалу не интересовало, а потом

³ Товарищи из Политбюро поскромничали. После отмены «сухого закона» доходная часть государственного бюджета, от продажи водки, составляла 12-15 %.

стало не до того. Да я же и дома-то почти не жил, а потом тет-ка меня вообще выгнала. Кстати, до сих пор не выяснил – из-за чего? И тетку Степаниду, к стыду своему, почти не вспо-минал. Ну, не успел я проникнуться родственными чувства-ми к незнакомой женщине, что тут поделать? Вон, даже ни одного письма не написал.

– Меня тетки вырастили, – неохотно признался я. – Одна в деревне, другая в городе. Спасибо им, выучили – и в земской школе, и в учительской семинарии.

– Вы же девяносто восьмого года рождения? – продолжала расспросы Надежда Константиновна. А ее супруг, подперев подбородок рукой, просто сидел и устало ждал.

– Так точно, одна тысяча восемьсот девяносто восьмого.

– А число, если по старому стилю? Месяц?

Вот так да... Расспросы товарища Крупской уже напоми-нали допрос военнопленного, обязанного четко отвечать – как его имя, должность, номер воинской части, фамилия ко-мандира, место дислокации.

– Девятнадцатого августа, если по старому стилю, – отве-тил я, а потом спохватился – если я определил свой день рождения первым сентября, то по старому стилю это будет восемнадцатого августа, потому что в девятнадцатом веке разница между стилями составляла двенадцать дней, а не тринадцать, как сейчас. Впрочем, для Крупской один день значения не имел.

– Это точно, что в августе? – продолжала допрос Круп-

ская.

Поддавив в себе накапливающее раздражение, ответил:

– Надежда Константиновна, вы можете запросить Череповецкий губисполком. Пусть вышлют мою метрику или сделают выписку из метрической книги. Меня крестили в единоверческой церкви села Ильинского, все документы на месте.

Товарищ Крупская, как начальник со стажем, предпочла не заметить нарастающее недовольство, а опять задала вопрос:

– А ваша матушка не могла в девяносто седьмом году работать в Петрограде – ну, тогда еще Петербурге, или в Москве в девяносто седьмом году? В крестьянских семьях принято наниматься в город кухарками, няньками, кем-то еще?

Может, подразнить Надежду Константиновну? Дескать, я в дате своего рождения не уверен, все могло быть, но отчего-то стало обидно за незнакомую женщину, считавшуюся здесь моей матерью. Если бы речь шла о моей настоящей матери, я бы уже поднялся и ушел. А мужчине за такие вопросы, имеющие двойное толкование, следовало дать в морду. Но о своей «здешней» матери я знал только то, что ее звали Елизаветой Дмитриевной, вот и все. Но тут я начал догадываться, отчего Крупская задает дурацкие вопросы, мое раздражение рассосалось и стало смешно. Не думал, что сплетня о моем происхождении дойдет до Крупской и так ее заденет.

– В нашей округе вообще на заработки не ездили. У нас зимой выплавкой железа да кузнечным делом занимались – руда болотная скверная, зато своя, можно гвозди ковать, а потом продавать их лавочникам. А женщинам у нас вообще не полагалось куда-то ездить. Чай, раскольники мы, хотя и в храм единоверческий ходим. Тетка в Череповец переехала, потому что муж свою землю братьям уступил, а сам на завод нанялся, не захотел крестьянствовать.

Кажется, Крупская была удовлетворена моими ответами. Товарища Ленина отправили в ссылку в феврале девяносто седьмого года прошлого века, а я родился в девяносто восьмом. Не совпадает. Владимир Ильич с торжествующим видом поглядывал на супругу – мол, я же тебе говорил, а ты не верила, а она даже изобразила смущение.

Надежда Константиновна, допив свой чай, ушла, и мы с Владимиром Ильичом остались вдвоем. Я решил, что Ленин сейчас пригласит меня в кабинет, чтобы поговорить о чем-то действительно важном – о моем назначении Председателем ВЧК, или как нам реорганизовать Рабкрин. Но Владимир Ильич заговорил о другом.

– Владимир Иванович, вы ведь давно не были в Череповце? – спросил Председатель СНК. – Не хотите туда съездить на недельку?

– Получить метрику?

Товарищ Ленин поморщился, махнул рукой:

– Не обращайтесь внимания на Наденьку. Как всякая жен-

щина, она слишком болезненно относится к слухам и чересчур доверяет сплетням.

– Эх, хорошо, что супруга Феликса Эдмундовича мне допрос с пристрастием не устраивала, – вздохнул я.

– А что, подозревали, что вы еще и сын Дзержинского? – оживился Ленин.

– Ага, – кивнул я. – Первоначально, когда был в Архангельске, меня считали сыном Дзержинского, а по переезду в Москву услышал, что я сын Ленина. Расту. Странно, что миновал стадию сына Троцкого...

– Да, так себе и представил, что вы, с вашей славянской физиономией, сын Троцкого...

Владимир Ильич засмеялся. Смеялся он хорошо, заразительно. Отсмеявшись и став серьезным, спросил:

– Вы когда планируете возвращаться в Париж?

– Хотел встретиться с товарищем Дзержинским, решить некоторые вопросы по своей основной должности, а потом обратно. У меня там очень много дел.

– Феликс Эдмундович сейчас занят, в Москву вернется не скоро, не раньше, чем через неделю. Он сейчас во Владимире, решает вопросы обеспечения рабочих жильем. – Увидев мое удивление, Ленин сообщил. – Товарищ Дзержинский назначен Председателем комиссии по улучшению труда и быта рабочих.

– Ясно, – кивнул я, осознавая, что зря жалуясь на несколько собственных должностей. А каково товарищу Феликсу?

– В общем, поезжайте в Череповец, – заключил Ленин. – В роли, скажем... – призадумался Владимир Ильич, – специального уполномоченного Совнаркома. Я дам приказ, чтобы вам подготовили мандат. Побудьте в Череповце с недельку, проедьтесь по губернии, оцените ситуацию. Как крестьяне относятся к нэпу, каковы его достоинства, недостатки? Что вообще творится в нашей глубинке? Скоро состоится съезд партии, мне важно знать картину на местах. Не лакированную, как мне докладывают, а объективную.

– На стопроцентную объективность я не могу претендовать, – признался я.

– Само собой, – не стал спорить Ленин. – Мне очень нужно, чтобы кто-то со стороны оценил обстановку. Вы человек честный, тем более, вы несколько месяцев провели во Франции, есть возможность сравнения.

Отказываться от поручения у меня не было оснований. Конечно, волновался – как там Наташа, но с ней же ее родители, да и наши товарищи. Ленин сказал – неделя, но реальность, как знаю, всегда иная. Но даже если по максимуму – месяц, то ничего фатального с торгпредством не произойдет. Народу велено потихоньку покупать зерно, лекарства и отправлять их в Россию, а белогвардейцы тоже никуда не денутся.

Уже на выходе из Спасских ворот вспомнил, что подарок для Ильича так и остался лежать в кармане. А ведь я ему приготовил отличную автоматическую ручку, с золотым пе-

ром. Ладно, вру, с позолоченным, но она обошлась в двадцать франков, стоимость двух обедов. Будь я французом, удавился бы от жадности.

Еще подумал, что поручение съездить в Череповец Ленин мог бы отдать и в официальной обстановке. Спрашивается, зачем вождь меня приглашал? За суп с фрикадельками и кашу отдельное спасибо, но все равно непонятно. Неужели Ленин хотел реабилитировать себя в глазах жены? Странно, вроде бы, для великого человека обращать внимания на такую мелочь, как сплетня. А Крупская, прожив столько лет с любимым (надеюсь!) человеком, до сих пор не научилась доверять собственному мужу? Хотя, они, хоть и великие, а все-таки люди, а значит, ничто человеческое им не чуждо.

Глава пятая. В белом венчике из роз...

Не сказать, что я соскучился по «исторической родине» и вполне мог бы обойтись без поездки в Череповец, но приказ руководства следует выполнять. Выспавшись, выпив чаю с баранкой в буфете Дома Советов за пять тысяч (тоже веяние нэпа, раньше не было), отправился в свой кабинет на Лубянке, сел на телефон, благо, он у меня ни с кем не спаренный, кроме нашего коммутатора, и можно говорить вдоволь.

Доложив по инстанциям, что убываю в командировку по приказу товарища Ленина, получил ответное распоряжение (у нас – от Ксенофонтова, в иностранных делах, от секретаря Чичерина) о том, что меня слышали, но по возвращению должен предъявить копии командировочного удостоверения и тут, и там. Дескать, порядок превыше всего. Но опять – таки, коли меня посылает СНК, то командировочные средства (термин «суточные» здесь еще не в ходу) должен платить Совнарком.

Позвонил в канцелярию Совета народных комиссаров, выяснил, что приказ они получили, а мандат издают часам к двенадцати, не раньше, командировочное удостоверение мне не надо, потому что полномочия указаны в мандате, а командировочные, или хотя бы сухой паек, я должен полу-

чать либо в ВЧК, либо в НКВД, по месту основной службы. Мол, коли вы, товарищ Аксенов, не числитесь в штате СНК, то отчитаться за траты на вас они не смогут.

Нет, деньги-то у меня есть – валюту обменяю, и все дела, но все-таки, это называется свинством. По мне – коли учреждение отправляет человека в командировку, так оно и расходы должно нести на его содержание. А ведь формально, все кругом правы! Бюрократия, в корягу ее и об пень, посильнее страха перед Чрезвычайно Комиссией. Матернувшись, позвонил напрямую в приемную Владимира Ильича и высказал Фотиевой все, что я думаю о канцелярии Совета народных комиссаров, и об их закидонах. Лидия Александровна только хмыкнула, попросила не беспокоиться и положила трубку.

То, что личный секретарь Ленина, для некоторых структур, значит больше, нежели начальник отдела ВЧК, убедился довольно скоро. Через две минуты, не больше, мне позвонили из канцелярии СНК, и сообщили, что я их неправильно понял, и что я им не так сказал, а они здесь совсем не при чем и почему я сразу же стал звонить и жаловаться, хотя можно было решить все вопросы без Фотиевой? Они прекрасно могут войти в положение, и все понимают. А командировочные средства мне непременно выделяют и, даже не в том объеме, который дают начальнику отдела в аппарате СНК, а в размере, положенному заместителю наркома, но не более ста тысяч на день. Но получить их можно будет через

неделю, не раньше. А еще лучше, если я вначале съезжу в командировку за свой счет, а они потом все оплатят. Мол – на этот месяц командировочный лимит все равно исчерпан, денег взять негде, зато в следующем месяце, они обязательно все сделают. И вообще, поездки ответственных работников планируются загодя, и бухгалтерия закладывает на расходы строго определенную сумму. Вот, они и мою командировку проведут соответствующим приказом по учреждению, чтобы в случае ревизии никто не подкопался, а иначе получится нецелевое расходование средств. Мол, у них все строго, и ревизии проходят, да и Рабкрин свирепствует. Так что, с коммунистическим приветом.

Плюнув, и матернувшись, вздохнул. Новая экономическая политика длится второй месяц, а бюрократия уже показала свое мурло. Опять-таки, чисто формально, канцелярия и бухгалтерия правы, нет у них лишних денег, а мне-то как быть? Хрен с ним, поменяю бумажку в десять американских рублей на миллион, авось хватит. Не хватит, буду думать. Но все-таки, чтобы стал делать человек, оказавшийся на моем месте, но без гроша в кармане? Пошел занимать? Так у кого сейчас займешь? Разве что, у Артузова, слегка отщипнуть от средства, выделяемых на оперативные расходы. Но это тоже неправильно. Ладно, в прошлый раз я «подоил» друга, но тогда из-за служебных надобностей, все оправдано, а сейчас?

Сто тысяч «суточных» – это много или мало? В тутошних, ежедневно растущих ценах, я пока ориентируюсь пло-

хо, но коли трамвайный билет за одну остановку (по-нынешнему – за одну станцию), обошелся мне в десять тысяч и в московских столовых, средняя цена на обед, тоже десять, но вполне себе ничего. В провинции цены вряд ли выше, хватит и на завтрак и на ужин, да еще и на гостиницу, если они в Череповце существуют. Ничего, предварительно позвоню в губисполком, выясню, или поручу кому-нибудь из подчиненных. Я не ревизор, чтобы нагрянуть без предупреждения, а просто представитель. Получается, не так и плохо замнаркомам ездить в командировки? Да, а сколько получает в командировке целый нарком? А сколько «суточные» у простого совслужащего? Вероятно, нарком обязан кушать больше, нежели его зам, а зам, соответственно, больше, нежели начальник отдела, и так все ниже, и ниже. Ну, ничего я не понимаю в таких расчетах. Да, и вот еще что – предположим, я истрачу за неделю семьсот тысяч, но инфляция-то растет, а компенсируют мне все те же семьсот. М-да, беда.

Созвонился с Ярославским вокзалом, выяснил, что поездка до Вологды ходят два раза в неделю, и следующий отправляется завтра. Бронь для ответственных работников в классных вагонах есть всегда, поэтому решил воспользоваться служебным положением и заказал купе. Ну, не в плацкарте же ехать? Простите, положение уже не то, чтобы в общих вагонах раскатывать. Хватит, наездился.

Странно, но в Москве, да и в Париже, я не особо задумывался, как одеваться. Штаны есть, рубашка тоже, вот и

славно. А вот в какой-то зачуханный Череповец, провинциальный городишко, пусть и губернский центр, хотелось отправиться при полном параде. Чтобы, так сказать, въехать в родной город на белой лошади.

Все-таки, есть приятная сторона в том, чтобы быть начальником. Не обязательно караулить начальника интендантской службы, ходить за ним, и выпрашивать, а можно только снять телефонную трубку, представиться, сообщить свою должность, обозначить примерные параметры и размеры, а потом отправляться в подвал, где имеется специальный закуток для большого начальства. Там меня осмотрели, обмерили, и пообещали, что через два часа все подберут в лучшем виде. Стало быть, можно отправляться в Кремль, за документами.

В канцелярии Совнаркома мне выдали мандат, свидетельствующий, что предъявитель сего является специальным уполномоченным Совета народных комиссаров. Две подписи – самого товарища Ульянова (Ленина) и управляющего делами товарища Бонч-Бруевича. Порадовали, что уже созвонились с Череповцом, сообщили, а там встретят, и все прочее.

– Владимир Ильич попросил, чтобы вы посмотрели, – сказала молоденькая девушка-секретарь, протягивая несколько листов бумаги. – Только смотреть нужно прямо здесь, не выносить, а потом написать свое мнение. Сегодня вечером заседание Политбюро.

Вон оно как. Вчера все вопросы обсудить не успели, перенесли на сегодня. Ну, а я здесь причем?

Усевшись в уголке, принялся перебирать странички. Итак, что мы имеем? Во-первых, мы имеем рукописное заявление товарища Блока, написанное на имя наркома просвещения Луначарского, в котором поэт просит отпустить его на два месяца за границу, для излечения. Дескать – у него цинга и астма, появившиеся вследствие недостатка пищи, и высокой занятости. Цинга и астма? Цинга, появившаяся в результате недоедания, недостатка витаминов, вполне могла быть, а вот про астму я что-то не помню. Как-то смотрел передачу, где заочный консилиум врачей пришел к выводу, что у Блока было какое-то сердечное заболевание, а чтобы вылечить, требовались антибиотики, которых, в двадцатые годы двадцатого столетия еще не было.

При мысли об антибиотиках вспомнилось вдруг, что я собирался заняться проблемами пенициллина. Надо бы выяснить, кто этим сейчас занимается. Вернусь в Париж, озадачу Книгочеева. Пусть он параллельно с изысканиями по радиоактивности займется плесенью. Смешно, конечно, сидя в Париже, озадачиться лекарствами, изобретаемыми в своей стране.

Стоп. Отвлекся. Вернемся-ка к заявлению. Заявление адресовано Луначарскому, но почему-то его рассматривали другие люди. Во-первых, председатель Петроградского губчека товарищ Семенов, наложивший собственную резолю-

цию: «ВЧК в настоящий момент имеются заявления ряда литераторов, в частности Венгеровой, Блока, Сологуба – о выезде за границу. Принимая во внимание, что уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них, как Бальмонт, Куприн, Бунин, не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями – ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства».

И что тут скажешь? Выберется Блок за границу, точно, стихи напишет, что-нибудь антисоветское. Поэты, они такие. У них голова устроена по-другому, их не поймешь.

Вторая резолюция принадлежала моему недоброжелателю – председателю Петросовета и руководителю Коминтерна товарищу Зиновьеву. Григорий Евсеевич предлагал рассмотреть вопрос о выезде Блока за границу на заседании Политбюро. Вот так вот, именно на Политбюро. А потом жалуюсь, что заседания проходят допоздна, и ничего не успеваем делать.

Так, что там еще? Справка, составленная Петрочка: «Александр Александрович Блок, сорока лет, дворянского происхождения, сын профессора Варшавского университета. Закончил историко-филологический фак-т императорского университета. Жена – Любовь Дмитриевна, дочь известного ученого-химика Дм. Менделеева, артистка театров. По свидетельству театралов, артистка неважная, и маловостребованная.

Общественно-полезным трудом Ал. Блок не занимался, но и в качестве эксплуататора замечен не был. Как установлено – средства к существованию добывал либо литературной деятельностью, либо за счет помощи родителей. Имел прислугу, но как установлено, ее содержали за счет супруги. После смерти отца получил значительное наследство.

Не годен к строевой службе, но участвовал в империалистической войне в качестве нормировщика инженерной части Земсоюза. При Временном правительстве являлся редактором стенографических отчетов «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств».

Ал. Блок поэт-декадент. Начинал как автор множества стихов, посвященных гипотетической Прекрасной даме. Но впоследствии перешел на упаднические стихи. Самое известное произведение – поэма «Двенадцать», опубликованная в газете социал-революционеров «Знамя труда», но сам Блок ни к каким партиям не примыкал.

Суть поэмы: В Петрограде идет патруль красногвардейцев из двенадцати человек. Они встречаются на своем пути купчиху, буржуя, жандарма и попа. Это эксплуататоры, которые раньше помыкали ими, а теперь пришло время расправиться со старым миром. Старый мир также сравнивается с шелудивым псом, отброшенному на обочину современности. В

завершение отряд встречает своего бывшего товарища, изменившему делу революции и казнят его вместе с любовницей. Один из красногвардейцев переживает о смерти, но товарищи его не поддерживают.

Поэма считается революционной, однако, по мнению одного из литературоведов, ее героями является отребье, которое должно превратиться в апостолов нового времени. Сам поэт, неоднократно отрицательно высказывавшийся о «поповщине», считает, что во время революции произошел перелом, подобный переходу от язычества к христианству. Не случайно, что количество красногвардейцев равно числу апостолов, а тринадцатый апостол – Ванька (Иуда). Петруха (ап. Петр) убивает Катьку (Екатерина – «чистая») принося, таким образом, очистительную жертву. Христос (партия большевиков) шагает впереди отряда с кровавым знаменем.

Таким образом, Блок, в завуалированной форме насмехается над революцией, и над теми, кто ее совершил, переводя все в религиозную плоскость и отрицая революционный порыв масс.

По личному приказу тов. Каменева Блоку, как выдающемуся деятелю литературы, назначен академический паек. Он также имеет охранную грамоту от Петросовета, ограждающую его квартиру от подселения и уплотнения, так как имеет ценную библиотеку.

Ал. Ал. Блок лоялен к Сов. власти. В настоящее время активно участвует в общественно-политической жизни как

Петрограда, так и Р.С.Ф.С.Р. в целом, занимая следующие должности: член Гос. комиссии по изданию классической лит-ры; член репертуарной секции театрального отдела Народного комиссариата просвещения по г. Петрограду, состоит в редколлегии журнала «Репертуар» (журнал занимает коммунистическую позицию, и занят выработкой единого гос. репертуара соц. театров) лектор «Школы журнализма», зав. отделом немецкой литературы изд. «Всемирная литература», член-корр. Вольной философской ассоциации, председатель режисс. Управл. БДТ, а также работает в Союзе деятелей театр. Искусства, член редколлегии Исторических картин, заместителем председателя литературного отдела Наркомпроса в Москве».

Ну ни чего себе! Это уже не справка получилась, а целая статья для литературного словаря. И не лень же было ее составлять? Неужели кто-то не знает биографии Блока, или не знаком с его творчеством? Вон, я до сих пор помню.

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи благослови!

Посмотрев на количество должностей и поручений товарища Блока, слегка присвистнул. Ничего удивительного, что поэт чувствует себя усталым. А ведь ему еще и стихи надо писать.

Но при всем моем уважении к великому поэту, такие вопросы следует решать не на уровне Политбюро, занимавшегося выработкой стратегических планов и, даже не Луначарским, а на уровне самого Зиновьева. Не рискнул Григорий Евсеевич взять на себя ответственность.

Нет, а почему Ленин передал заявление мне? Из-за того, что до него дошли слухи, что «архаровцы» товарища Аксенова привезли Блока в Москву, в которой поэт благополучно затерялся? А я потом о нем и забыл, хотя и собирался выдать паек и койко-место. Ну, не маленький, не заблудился. Так, а куда просится гражданин поэт? Посмотрев еще раз заявление, хмыкнул. Понятно, почему его передали мне. Товарищ Блок просился в Финляндию, с которой мы пока еще не заключали мир.

Взяв у девушки карандаш (эта, в отличие от худосочного не возражала) написал на свободной части заявления: «Считаю, что товарища Блока необходимо отпустить на лечение за границу. По моим сведениям, он болен смертельной болезнью. Если тов. Блок умрет в ближайшее время на территории Советской России, то клеветники и завистники России и внутри, и за рубежом, обвинят нас в его смерти. Если Блок останется жив, и за границей присоединится к литераторам, выступающих против Советской власти, то ничего страшного не произойдет. Наша власть крепка, вражеских голосов мы не боимся.

Однако, я предложил бы гр. Блоку избрать себе местом

лечения не Финляндию, а иное государство, с которым у нас имеются дипломатические отношения».

Посмотрев на резолюцию, расписался, и остался собой доволен.

Вернувшись на Лубянку, сразу спустился в подвал. И впрямь, все готово. Я стал обладателем нового френча, галифе, хромовых сапог и кожаной куртки, подбитой мехом. Кожаная куртка на чекистах встречается только в фильмах, потому что их и в восемнадцатом-то году было мало, а в двадцатом все кожаное – и куртки, и штаны, и даже фуражки, вообще поотбирали и отправили на фронт.

Более того – мне даже предоставили выбор, какой френч хочу – английский, или французский? Английский очень неплох, но ордена на накладных карманах топорщатся, да и галстук к нему нужен и я выбрал французский – с глухим воротом, с боковыми карманами.

Полюбовавшись на себя в огромное зеркало, прикинул, как прикреплю ордена, забрал свои вещички, и как был, в новом обмундировании пошел к себе.

Пока поднимался на четвертый этаж, встречал народ – и рядовых чекистов, и начальников, с недоумением косившихся на меня. Войдя в свой собственный кабинет, понял, что в новой форме я ни в какой Череповец не поеду. Если даже здесь, на Лубянке, на фоне чекистов, одетых в полувоенную и гражданскую одежду, по здешним меркам выглядевших почти нарядно, мое обмундирование выглядело вызы-

вающе шикарным. Да что говорить, если на заседании Политбюро руководители нашего государства сидели в поношенных френчах и старых костюмах, один лишь Зиновьев, в новом и отглаженном пиджаке, в сорочке с накрахмаленным воротничком, мог соперничать со мной, таким импортным и элегантным. А что будет в губернском городке?

Скажите, кто пойдет на контакт со столичным франтом, приехавшим из Москвы на несколько дней? Френч у меня уже есть, почти новый, и дырки для орденов там уже проткнуты. И шинель у Артузова заберу. Вот, сапоги оставляю, простите. Свои старые перед отъездом кому-то отдал, а отправляться в командировку во французских ботиках, холодно.

Мне вдруг стало стыдно за свои чемоданы с французским барахлом, которые тащил из Парижа. Буржуин, блин...

Но здраво все взвесил, решил, что в этой жизни случайно-го ничего не бывает и стыдится нечего. Если всего стыдиться, можно и до маразма дойти, и в Париже, не в «Ротонде» ужинать, а сидеть на вчерашних багетах, да на заплесневевшем сыре. Наоборот, я большой молодец. Дефицитные вещи в нашем деле лишними не бывают. Кое-что оставляю себе, потому что некоторые подарки адресные: ручка для товарища Ленина, трубка для Сталина, а две пары чулок, шоколад и духи собирался в Архангельск послать, Ане Спешиловой. Если самой не пригодится, подарит кому-нибудь, или продаст. Узнать бы еще, как там Витька? Хотел спросить у

товарища Сталина, не получилось.

Ну, можно еще чего-то оставить у себя, так сказать, на всякий случай. А еще, как чувствовал, что поеду в Череповец, а иначе на кой было покупать в Париже набивной платок? Скажи кому, что из Франции повезу в Россию павловский платок, засмеют, а я его купил на Монмартре, и не особо дорого. Это для тетушки. Зла я на нее не держу, передам через кого-нибудь.

Часть барахлишка отдам ребятам из Иностранного отдела. Подчиненных я знаю плохо, но нехай Глеб Иванович распределяет по справедливости, а заодно и покажет будущим разведчикам-нелегалам прелести заграничной жизни.

А все остальное пусть забирает Артузов. Иная барышня за шелковые заграничные чулочки, да за духи, много чего полезного для контрразведки сотворит.

Глава шестая. Сухаревский рынок

До отхода поезда в Вологду оставался целый день и можно заняться работой. Утром заскочил в Борисоглебский переулок, вручил своему заместителю неожиданную премию. Глеб Иванович, если и был удивлен, то вида не показал, сообщив, что он все раздаст, а уж как раздавать – подумает.

Ладно, пусть него голова о выдаче импортного барахла болит потом, а пока он должен доложить своему начальнику – как идут дела с планом создания Восточного отдела?

Я, как кое-кто говорит, в некотором отношении зануда, и перед отъездом во Францию озадачил заместителя – составить план охвата сопредельных государств в наши загребушие сети. С Западом и с Северо-Американскими Соединенными штатами мы более-менее разобрались, Африку отложили на потом, а вот Восток оставался «голым». Глебу Ивановичу следовало определиться – а что мы вообще станем считать Восточным направлением, какие государства следует «охватить» в первую очередь? Понятное дело, что «охватывать» нужно все, но сразу ничего не получится. Умница Бокий сразу определил, что нам придется работать не только в Турции и Иране и в прочих, чужих государствах, но и у себя, в Средней Азии, вроде Бухарского эмира или Хивинского ханства, где советская власть еще только-только установилась, а еще в тех местах, что считаются территорией РСФСР,

но имеют определенную специфику, а это и Кавказ, и Башкирия, и Казанская губерния. Еще бы Крым не забыть, хотя он у нас в Европейском отделе числится. Что ж, нужно, чтобы ИНО обобщало и систематизировало работу наших коллег, чтобы мы решали, как это использовать для разведывательной работы.

Мы уже говорили, что самым перспективным направлением у нас является Афганистан, с которым установлены дипломатические отношения и, стало быть, советское посольство требуется увеличить хотя бы на пять, а лучше на десять единиц, из тех товарищей, кто владеет восточными языками. Потрясти Академию наук, пусть подскажут толковых людей. В девятнадцатом году мы немного помогли Афганистану настучать по голове англичанам, но увы, не так сильно, как хотелось бы – кое-какое оружие из Туркестана подкинули, но много дать не могли, самим мало. А афганцы умеют ценить добро. Вот и члены российского посольства, что подчиняются не НКВД, а ИНО ВЧК, начнут потихонечку делать добрые дела, а еще налаживать мостики с ближайшими соседями Афганистана, вроде Индии, еще не расколотой на части, и Ираном. Само собой, что наши планы следует утрясти и с Дзержинским, и с руководством страны. Но, как мне кажется, проблемы с этим не должно быть, кроме финансовой, а с этим... Ну, как говорят – решим вопрос. Кое-что я из своей «зачапки» выделю, а там посмотрим. Значит, к моему возвращению из Череповца Бокий должен подобрать кандида-

тов, а уж инструктировать я стану их сам.

Убедившись, что работа идет, отправился в Главный штаб ВЧК, на Лубянку, где у меня еще оставались дела. Например – забрать у Артура шинель, отдать ему оставшиеся подарки, но вначале нужно зайти к секретарю партячейки, заплатить членские взносы за два месяца.

Нынешний секретарь – товарищ Рогушкин, парень, лет двадцати семи, в выцветшей гимнастерке, не смутившись, принял мои американские денежки в развере двадцати долларов, сделал запись в амбарной книге и придвинул ее мне.

– Распишитесь, – предложил секретарь, ткнув указательным пальцем в соответствующую графу. Кажется, у парня проблемы с ногтями. Какие-то они багровые, словно там не ногти, а раны. Когда я оставил подпись, Рогушкин сказал:

– Как хорошо, что я вас увидел.

– А что такое? – слегка насторожился я. Опять меня собираются исключить из партии из-за неявки на партсобрание или за отсутствие на рабочем месте? Но Рогушкин полез в сейф и вытащил небольшой красный прямоугольник.

– Вот, товарищ Аксенов, ваше удостоверение, что вы избраны делегатом десятого съезда нашей партии.

И впрямь. На прямоугольнике сверху – Российская Коммунистическая Партия (большевиков). Справа портрет Карла Маркса. И указано, что предъявитель сего товарищ Аксенов Владимир Иванович избран делегатом на 10-й съезд ВКП (б) с правом решающего голоса от Московской органи-

зации. Печать ЦК. Подписи, как водится, неразборчиво.

Может, у кого-то наворачивается на язык штампованная фраза: «Мелочь, а приятно», так я вам скажу так – это вовсе не мелочь. И когда я взял в руки мандат, почувствовал, что мне вручили еще один орден. Впрочем – если кто-то не верит, не настаиваю, как хотите.

– Поздравляю, – сказал Рогушкин, как мне показалось, с некой толикой зависти. – От ВЧК на съезд трое избраны – товарищ Дзержинский и вы от Московской организации, а еще один товарищ из Пскова.

Рогушкин махнул левой рукой, указывая в сторону Пскова. Махнул быстро, но я понял, что на левой руке у него тоже проблемы с ногтями, а мизинец и вовсе отсутствовал.

– Спасибо, – отозвался я, осторожно пожимая парню руку. – Меня Владимир зовут. Можно на ты.

– Сергей, – назвалса парень и усмехнулся. – Буду всем хвастать, что с самим Аксеновым на ты.

– А что, Аксенов такой страшный, что с ним и на ты нельзя? – удивился я. – Со мною, вроде бы, все на ты.

Сказал и прикусил язык. А кто со мной на ты в ВЧК? Артур Артузов, который член коллегии и начальник контрразведки ВЧК? Иван Ксенофонтович Ксенофонтов, заместитель Дзержинского? Ксенофонтов уже через раз «тыкает». А все остальные только на вы. Плохо. Скромнее надо быть.

– Страшный вы, то есть, ты, или нет, сказать не могу, а вот про то, что из-за Аксенова некоторые члены Политбюро

с должностей слетают и в ссылку едут, а еще про то, что он с самим Троцким собачится, про это слышал, – усмехнулся парень.

– А ты плюнь, – посоветовал я. – Врут это все. На самом-то деле, я ни с кем не собачусь, тем более с самим Троцким. – Не удержавшись, спросил, кивая на изувеченную руку. – У кого побывал?

– Сигуранца, – скривился Сергей.

– Мне больше повезло, – вздохнул я.

Мы посмотрели друг на друга и улыбнулись уже по-дружески. Вроде, ничего не сказали, но все и так ясно. Вспоминать о пребывании в контрразведке никому не хочется. Мне повезло больше, а Рогушкину поменьше. Но жив остался – уже неплохо.

– Я говорю, что хорошо, что тебя увидел, а так голову ломал – как мне во Францию твой мандат отослать? По почте не пошлешь, и вообще, его лично в руки положено отдавать.

– Вишь, какой я молодец, что в Москву приехал, – хмыкнул я.

Мы еще разок улыбнулись друг другу и я вышел. Пока шел к Артуру, до меня дошло, что стать участником съезда – это большая честь, но и проблемы. Я ведь не знаю, как здесь обстоят дела с Кронштадтским восстанием? С Тамбовом, вроде бы, все более-менее гладко. Вполне возможно, что крестьян удалось убедить, что скоро все изменится к лучшему, а когда есть надежда, то бунтовать не захочется. По крайней

мере, о крестьянском восстании никто ничего не говорил, а если имели место какие-то отдельные выступления, то это не страшно. У нас они, почитай, в каждой губернии есть, справлялись. Главное, что дело не приобрело массовый характер, и на подавление крестьян не кинули армию. А вот что там с Кронштадтом, не знаю. Может и пронесет, а может нет. Иначе, после исторического съезда придется хватать винтовку, идти на штурм фортов. Эх, давненько я винтовки не брал, в атаки не хаживал. И век бы не брать, и не хаживать, а ведь придется. И по льду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.